

От компромисса к новому штурму

Глава 4

Советское общество в 20-е годы

§ 1. От гражданской войны к гражданскому миру

Ни блестящие победы в гражданской войне, ни героизм ее участников не спасли Советскую Россию от всеобщего и глубочайшего кризиса, пик которого приходится на конец 1920 г. — начало 1921 г. Советская историография возникновения такого кризиса отрицала. Вернее, говорилось о тяжелом положении Советской республики на исходе гражданской войны, о развале экономики, разрухе и голоде. Но одно дело — тяжелое положение, другое — кризис, охвативший все сферы жизни нового общества.

В 1920 г. продолжались боевые действия на фронтах. Главным событием была война с Польшей. О создании независимого государства на польской территории, входившей в Российскую империю, Германия объявила еще в ходе первой мировой войны 5 ноября 1916 г. Однако современная история независимой Польши начинается только после ухода германских войск. Патриотический подъем в Польше был столь велик, что полностью «затмил» действия местных революционеров, традиционно связанных с Россией. Местные Советы и местные коммунисты были быстро подавлены. Формально признав самостоятельность Польши, большевики в Москве тем не менее, несомненно, учитывали все эти обстоятельства.

С начала нового периода независимости польского государства встал вопрос о его границах. Здесь «сработал» комплекс Речи Посполитой. Поэтому, едва появившись на карте, Польша повела активную борьбу за территории как на Западе, так и на Востоке, что не могло не привести к столкновению с Советской Россией. Еще в феврале 1919 г. войска Пилсудского начали наступление на Литовско-Белорусскую республику и заняли Вильно, часть Западной Белоруссии и Западной Украины. После небольшой передышки в апреле 1920 г. польские части вместе с войсками С. Петлюры возобновили войну и заняли Киев. Однако теперь им пришлось иметь дело со всей мощью Красной Армии, перенесшей военные действия с других фронтов. Против польских войск действовали две группировки, руководимые выдающимися советскими полководцами времен гражданской войны: на Западном фронте М.Н. Тухачевским и Южном — А.И. Егоровым. Войска Тухачевского, сломив сопротивление поляков, быстро продвигались к Варшаве. В рядах большевистского руководства снова ожили идеи мировой революции, которую, казалось, можно было принести в Европу на штыках Красной Армии. Был образован польский ревком во главе с коммунистом Ю. Мархлевским.

Однако достигнутый успех был временным. Передовые части Красной Армии под Варшавой далеко оторвались от своих тылов. Первая конная армия Буденного, ударная сила большевиков в годы гражданской войны, правда, к тому времени изрядно разложившаяся, завязла на подступах к Львову, безуспешно штурмуя город. Это позволило польским войскам нанести удар на Севере в районе Люблина и разгромить потерявшие между собой связь соединения Красной Армии. Часть ее отступила в Восточную Пруссию, где была интернирована. В конце сентября польские войска начали новое наступление и выдвинулись на Восток за линию Керзона (т.е. за предел собственно польских территорий, который британский министр лорд Керзон предлагал в качестве восточной границы польского государства). В дальнейшем обе стороны оказались слишком истощены, чтобы вести активные боевые операции. К тому же в тылу у Красной Армии находился окопавшийся в Крыму генерал Врангель. Мир, подписанный с Польшей, носил на себе следы своеобразного компромисса, фиксируя границу на момент прекращения военных действий.

Перебросив войска на Южный фронт. Красная Армия начала наступление на Врангеля, который после разгрома Деникина был провозглашен верховным

главнокомандующим Юга России. В ноябре 1920 г. войска Южного фронта, командующим которым был назначен М.В. Фрунзе, ранее отличившийся на Востоке и в Туркестане, форсировав Сиваш и прорвав оборонительные линии Врангеля на Перекопском перешейке, ворвались в Крым. Последняя схватка «красных» и «белых» была особенно яростной и жестокой, знаменуя заключительный звучный аккорд гражданской войны. Примерно 100 тыс. человек, оставшихся от некогда грозной Добровольческой армии, были перевезены на судах в Турцию.

Но эти события происходили уже на периферии Советской республики и непосредственной угрозы для вооруженного свержения власти большевиков не представляли. Таким образом, появилась возможность исподволь переходить к решению задач по налаживанию мирной жизни. И действительно, мысль об этом входит в сознание большевистских руководителей. Еще на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г., т.е. в момент решающих побед Красной Армии, Ленин говорил: *«Перед нами открывается дорога мирного строительства. Нужно, конечно, помнить, что враг нас подкарауливает на каждом шагу и сделает еще массу попыток скинуть нас всеми путями, какие только смогут оказаться у него: насильем, обманом, подкупом, заговорами и т.д. Наша задача — весь тот опыт, который мы приобрели в военном деле, направить теперь на разрешение основных вопросов мирного строительства».*

Эти слова примечательны в двух отношениях. В них прямо указывается на необходимость перехода к мирной жизни, но осуществлять его намечается военно-коммунистическими методами. Главная роль при этом отводилась центральным и чрезвычайным органам и комиссиям — СНК, Совету труда и обороны (СТО, так с февраля 1920 г. стал называться Совет обороны) и др.

Казалось бы, переход к решению хозяйственных задач должен был как-то облегчить положение в республике, смягчить тяготы и бедствия, обрушившиеся на нее, однако ситуация продолжала стремительно ухудшаться. Стало быть, проблема заключалась не только в самой войне, но и в той политике, которой следовали большевики. С этой точки зрения, видимо, необходимо оценивать круг экономических и политических решений, принятых большевиками до марта 1921 г.

Нетрудно заметить, что большинство из них выполнялось «духе военного коммунизма». Но теперь, когда военная гроза уходила в сторону, эти меры вряд ли можно оправдывать как вынужденные. Становится ясным, что политика военного коммунизма внедрялась не только для борьбы с трудностями военного времени, но и для реализации на практике целого ряда коммунистических идей. Более того, она получает свое теоретическое оправдание в трудах большевистских лидеров. К ним относится книга Бухарина «Экономика переходного периода». В ней было обосновано насаждение коммунистических идей исключительно сверху, через пролетарское государство, содержалась апология принуждения и насилия как средства создания нового общества. Не случайно даже среди большевиков бухаринский опус называли «книгой каторги и расстрела». Конечно, мысли, изложенные в книге, можно приписать одному Бухарину, его молодости, наивной революционности, экстремизму и левачеству. Однако сопоставление этого труда с произведениями и выступлениями других большевистских вождей и одобрительная в целом оценка его Лениным говорят о том, что почти все они стояли в тот момент на близких позициях.

Военно-коммунистические идеи распространились и на дальнейший процесс национализации производства. Государству передавались мелкие и кустарные предприятия. Этот процесс был подтвержден в конце 1920 г. специальным декретом о национализации мелкой промышленности. В январе 1920 г. был принят декрет о всеобщей трудовой повинности и трудовых мобилизациях. Из мобилизованных на трудовой фронт формировались трудовые армии. С разгромом основных сил белогвардейцев часть боевого состава Красной Армии, численность которой превысила 5 млн. человек, переводилась на положение трудовых армий. Трудовые армии и военизированные

трудовые отряды работали во всех отраслях народного хозяйства, где наблюдалось напряженное положение с рабочей силой, в том числе на транспорте, на заготовке топлива, сырья. Для управления ими был образован еще один чрезвычайный орган — Главкомтруд, в задачи которого входили учет, мобилизация и распределение рабочей силы. В деревне насаждались коммуны и коллективные хозяйства. К 1921 г. их было создано около 17 тыс. Главными способами побуждения к труду были принуждение и насилие, хотя и не упускались возможности призыва рабочих к революционному энтузиазму и сознательности, о чем свидетельствует работа Ленина «Великий почин», рассказывающая о коммунистических субботниках.

Интересны в связи с обозначившимися тенденциями решения IX съезда РКП(б), который проходил в марте — апреле 1920 г. В резолюции «О хозяйственном строительстве» подчеркивалась необходимость составления единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую эпоху и опирающегося в ходе выполнения на мобилизации, трудовую армию, продразверстку, единоначалие и централизацию, т.е. на краеугольные положения военного коммунизма. С этих позиций следует рассматривать и создание единого планирующего органа в феврале 1921 г. — Государственной плановой комиссии (Госплана) при СТО, и любопытный памятник большевистского прожектерства — план ГОЭЛРО, рассчитанный на ближайшие 10—15 лет. В советской историографии план, составленный Государственной комиссией по электрификации России, образованной в феврале 1920 г., рассматривался как вполне реальный и даже своевременно выполненный. Так можно было утверждать, не вникая в существо плана. Его нельзя сводить к числу построенных электростанций и количеству выработанной электроэнергии, как это делалось раньше. На самом деле это был широкий план социально-экономических преобразований коммунистического характера, составленный специалистами с учетом самых современных технических достижений, которые в то время отождествлялись с электрификацией. Ленин мечтал о централизации всего народного хозяйства под единой «электрической крышей», чтобы сконцентрировать в руках государства все нити крупной государственной машины.

Главная идея плана — обновить всю структуру производительных сил России, для чего было задумано создать обширную сеть крупных и мелких электростанций, завязанных между собой в единую энергетическую сеть. Предполагалось, что крупные электростанции снабдят энергией фабрики и заводы, позволят реконструировать их техническую базу, повысить культурно-технический уровень рабочих, в несколько раз поднять производительность труда. Предусматривалась полная реконструкция транспорта на базе создания скоростных электромагистралей. Мелкие электростанции должны были не только озарить светом крестьянские избы, но и дать энергию сельским предприятиям, деревенским мельницам, молотилкам и т.п., что само по себе содействовало бы развитию коллективных форм труда, созданию крупных механизированных хозяйств, способных полностью обновить земледелие. Отсюда «любовь к электричеству» у большевиков, отсюда известная ленинская максима «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация».

План ГОЭЛРО закладывал фундамент под будущие форсированную индустриализацию и сплошную коллективизацию сельского хозяйства.

План обсуждался на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. Вокруг него была развернута широкая пропагандистская кампания, шумевшая до тех пор, пока более насущные задачи по выходу из кризиса не выдвинулись в качестве первоочередных. Но и впоследствии пуск каждой новой электростанции в стране с помпой отмечался как важная веха в реализации плана ГОЭЛРО.

В то время как вожди в Москве разрабатывали грандиозные планы будущего коммунистического переустройства общества, ситуация в стране продолжала ухудшаться. Посетивший в этот момент Советскую Россию английский писатель Г. Уэллс в книге

«Россия во мгле» оставил свои впечатления, интересные с точки зрения оценки положения в России глазами стороннего наблюдателя.

Экономическая разруха с явными признаками приближения катастрофы поразила все поры хозяйственного организма Советской России. Уровень производства скатился до 14% довоенного. Из-за отсутствия топлива и сырья стояло большинство заводов и фабрик. Да и на тех, которые вроде бы оставались в строю, едва теплилась жизнь, и это — несмотря на чрезвычайные меры: выделение «ударных групп» заводов, непрерывные мобилизации, использование трудармий, снабжение специальными пайками рабочих. Повсеместно царило уныние промышленных кладбищ.

Полный хаос творился на транспорте. Паровозы стояли на запасных путях и ржавели. Вагоны и составы пришли в ветхость. Поезда ходили крайне редко. Многие железнодорожные пути были разрушены. На приколе стояло большинство судов. Практически не работали почта и связь, разорвались жизненно важные, налаженные десятилетиями контакты, происходило обособление микрочаек общества и возвращение к первобытным натуральным основам существования. Миллионы людей промышляли кто чем может.

Продразверстка в деревне неумолимо вела к сокращению посевов. Крестьянин не был заинтересован в увеличении производства сверх самого необходимого, так как «излишки» все равно изымались в пользу государства. Таким образом, крестьянские хозяйства приобретали натуральный потребительский характер. Возможности реквизиций тем самым сжимались до предела. В свою очередь, это вызывало ужесточение деятельности заготовительных органов и продовольственных отрядов, посягавших уже на самые основы крестьянского существования. К 1920 г. разница между валовым сбором зерна и потребностью крестьян в семенах, фураже, продовольствии составила более 88 млн. пудов, а к 1921 г. она увеличилась в 4 раза и достигла 358 млн. пудов. В результате стремительно стала распространяться так называемая «ползучая контрреволюция», вызванная сопротивлением деревни. К 1921 г. в стране насчитывалось более 50 крупных крестьянских восстаний. Как главную причину одного из самых крупных в Тамбовской губернии — «антоновщины» - участник его подавления большевистский комиссар В. Антонов-Овсеенко прямо назвал деятельность «военно-наезднических банд», в которые к тому времени превратились продотряды. В начале 1921 г. не осталось ни одной губернии, не охваченной в той или иной степени так называемым «бандитизмом».

Не менее опасными были проявления кризиса в социальной сфере. Бухарин в упомянутой книге определял российский социум как общество разорванных общественных пластов, соединить которые надлежало авангарду пролетариата, т.е. большевикам. Сильные деформации произошли в социальной структуре и составе населения. Прежде всего необходимо упомянуть о громадной цифре людских потерь, которая начиная с 1914 г. приближалась, по оценкам статистиков, к 20 млн. человек. Трудно определить точно, какие категории населения пострадали больше, а какие меньше, тем не менее совершенно очевидно, что серьезный урон был, например, нанесен взрослому мужскому населению страны за счет погибших на фронтах. О последствиях мировой войны в этом отношении уже говорилось. В гражданской же войне только Красная Армия по официальным данным потеряла около 800 тыс. бойцов. Не меньшие потери, надо думать, были в рядах белого движения. От «политики ликвидации эксплуататорских классов», которая в 1919—1920 гг. нередко переходила в физическое истребление их представителей («красный террор»), страдали прежде всего имущие слои и значительная часть интеллигенции, с ними связанная. Около 2 млн. человек составила эмиграция из России, которая состояла преимущественно из «образованных классов». Белый террор также носил социальную направленность. От него пострадало немало рабочих и революционно настроенной интеллигенции. От голода, болезней, эпидемий, бушевавших в стране в этот период, также погибло много людей, но особенно велика

была детская смертность. Если прибавить сюда резкое сокращение рождаемости, то очевиден серьезный ущерб, нанесенный будущим поколениям.

Если попытаться определить общий результат этих демографических катаклизмов, то, видимо, он складывается не в пользу города и городских классов и слоев населения. Действительно, значение городов в общественной жизни резко снизилось. Голодные, холодные и опасные, они не притягивали жителей. Население Петрограда сократилось вдвое, Москвы — примерно на столько же, несмотря на сосредоточение в ней огромного числа центральных правительственных учреждений. Численность рабочих в ведущих индустриальных центрах уменьшилась в 5—7 раз. Обнаружились симптомы «аграризации» страны.

Политическое руководство вплотную столкнулось с явлением, известным как «деклассирование пролетариата», который, между прочим, считался социальной опорой нового режима. Этот феномен нельзя сводить только к уходу рабочих в деревню, возвращению их к крестьянским занятиям из-за остановки фабрик и заводов и тяжелого продовольственного положения в городах. Это несколько односторонний и упрощенный взгляд. Нужно учесть еще ряд аспектов подобного «деклассированна». Во-первых, значительный отлив (до 1 млн.) рабочих в госаппарат в связи с политикой создания в нем «пролетарского климата», в Красную Армию. Из рабочих в первую очередь создавались кадры чекистов, милиции, продотрядов и т.п. Во-вторых, тех, кто все-таки остался возле погашенных заводских котлов и недымящихся труб (1,5 млн. в 1920 г. и 1 млн. в 1921 г.), коснулись явные признаки распада. В сущности, они переставали быть рабочими, перебиваясь случайными занятиями, как тогда говорили, — «мешочничеством», «кустарничеством», «зажигалочничеством», «бочарничеством». Их «революционное классовое сознание», к которому постоянно взывали большевики, явно притупилось. Настроения разочарования, уныния, апатии, усугубленные постоянными нехватками, недоеданием и болезнями, охватили рабочих. Свидетельством этого стали не столько забастовки, которые в условиях военного времени беспощадно подавлялись, сколько «волынки», когда рабочие находились вроде бы на месте, но под разными предлогами почти ничего не делали для производства. Тем не менее к концу 1920 — началу 1921 гг. в забастовках, по некоторым данным, принимало участие около 350 тыс. человек.

«Деклассированию» подвергались не только рабочие, но и другие группы и слои населения. Число «люмпенов» росло очень быстро. Они заполнили города и наводнили сельскую местность. Преступный мир буквально терроризировал население, не взирая на беспощадные меры со стороны ЧК и милиции. Нередки были случаи сращивания преступности с политическими группировками, с интеллигентской богемой, наблюдался рост анархических настроений. Морально-нравственные критерии в обществе размывались. Все чаще идеи уравниловки и грубого казарменного коммунизма сводились к принципу «грабь награбленное».

Безотцовщина, гибель людей, распад семьи и родственных связей вызвали небывалое распространение детской беспризорности (до 7 млн. к 1922 г.), что стало еще одним источником роста преступности, нищенства, одичания и озверения людей.

Сильный урон потерпела российская интеллигенция. Ее ряды сильно поредели, ее влияние в обществе упало. Конечно, это было чревато серьезными последствиями для решения культурных задач большевиков. Та часть интеллигенции, которая оставалась в Советской России, постоянно подвергалась массивной пропаганде. Многие ее представители становились служащими советских учреждений.

На этой последней категории стоит остановиться подробнее. Она, наверное, единственная, которая в первые послереволюционные годы обнаружила тенденцию к устойчивому росту вопреки всем предсказаниям большевиков об упразднении бюрократии. К 1921 г. численность служащих государственных учреждений по сравнению с довоенным временем увеличилась вдвое, и если дореволюционная Россия называлась бюрократическим государством, то что же сказать о России советской?

Причин немыслимого разбухания аппарата было довольно много. В попытках наладить ленинский всеобщий учет и контроль, централизованный распределительный механизм большевики последовательно дробили и упрощали функции управления, с тем чтобы они стали доступны элементарно грамотному рабочему или, на худой конец, крестьянину и исполнялись бы по очереди людьми, избранными «на должность» народом. Упрощение и дробление вели к тому, что там, где раньше управлялся один человек, появлялось два, а то и три. Периодическая смена этих людей путем выборов, как считали большевики, способствовала бы тому, чтобы «население училось управлять и начинало управлять». Но ни с выборностью, ни со сменяемостью ничего не вышло. В условиях острой нехватки грамотных и образованных людей функции управления неизбежно закреплялись за определенными работниками. Начался процесс отрыва создаваемого аппарата от масс и последовательная узурпация им отдельных функций управления. Полная национализация и передача средств производства в руки государства чрезвычайно повышали роль центральных органов и подчиненных им хозяйственно-распределительных учреждений на местах. Образовывались гигантские трудноуправляемые структуры. Таким к концу гражданской войны стал, например, центральный аппарат ВСНХ. В нем, помимо главков и центров, существовало множество функциональных органов (финансово-экономический, финансово-счетный отделы, НТО, Центрально-производственная комиссия, Бюро по учету технических сил и др.). Каждый главк, в свою очередь, имел некоторое количество производственных и функциональных отделов. Так, в положении о Главтопе от 20 октября 1919 г. зафиксирована его структура, состоящая из 6 производственных отделов и около 10 функциональных.

Центральные органы всячески ограничивали инициативу на местах и пытались решать все вопросы через непосредственно подчиненные им учреждения или через своих комиссаров. Наблюдалась тенденция к единоначалию, закреплению ответственности за конкретным лицом. Каждый орган управления стремился иметь на местах свои отделы и подотделы. Формально они находились в двойном подчинении — центральным и местным органам, но за первыми был безусловный приоритет. Местным Советам и исполкомам запрещалось вмешиваться в их деятельность, ограничиваясь лишь общим надзором.

Как это происходило, отчетливо прослеживается в той же системе ВСНХ, где к 1921 г. насчитывалось более четверти миллиона служащих. Подчиненные центральным главам ВСНХ, местные «губтекстилы», «губтопы», «губкожи» и т.п. были фактически не органами двойного подчинения, а исполнительными органами центра. На этой основе образовались пресловутые «столбики ВСНХ», каждый со своим аппаратом, деятельность которого строго регламентировалась спускаемыми сверху положениями, инструкциями, в неимоверном числе расплодившимися в советских учреждениях. Нечто подобное происходило и в других ведомствах.

Такая система управления очень быстро обнаружила свою неэффективность. Управлять и регулировать из центра всю жизнь страны — задача сама по себе эфемерная. К тому же большевики не имели для этого ни сил, ни средств. Никакого учета и контроля, даже элементарной статистики наладить не удалось в течение всей гражданской войны. Центральное руководство имело весьма смутное представление о реальном положении дел. Непрерывно растущее количество учреждений, их сложность и громоздкость вызывали обратный эффект того, чему они были призваны служить, приводили к неуправляемости, волоките, беспрерывным согласованиям. Прежде чем, например, решение Президиума ВСНХ доходило до каждого предприятия, оно должно было пройти 6—7 звеньев и совершенно тонуло в море других бумаг, застревавших в условиях бездорожья и отсутствия связи. Происходила полная рассогласованность даже в области производства вооружений. Одни отрасли выполняли заказы, другие даже не приступали к ним. Бумажные планы снабжения и распределения постоянно натывались на ограниченность ресурсов. Назревал явный кризис управления.

Централизация и бюрократизация привели к кризису и самой основы новой власти — советской представительной системы. Реальная власть все больше «уплывала» из рук представительных органов к аппаратным структурам. Работа съездов, сессий Советов подменялась деятельностью исполкомов или неконституционных органов — ревкомов, различного рода «революционных» троек, пятерок, трибуналов и других «чрезвычайек». Выборы в Советы проводились не всегда и не везде, а кроме того, избирательная активность населения резко упала. С апреля 1919 г. председателем ВЦИК на место умершего Свердлова — человека, достаточно энергичного и самостоятельного, был поставлен «старый» большевик М.И. Калинин, питерский рабочий из крестьян Тверской губернии — фигура, скорее символическая, призванная олицетворять союз рабочего класса и крестьянства, чем реально значимая личность в политическом руководстве. В феврале 1920 г. на сессии ВЦИК был утвержден устав о фракциях во внепартийных учреждениях, который фактически ставил деятельность Советов под полный контроль партийных комитетов.

Примерно аналогичные процессы происходили в профсоюзах, кооперативах и других организациях, деятельность которых сводилась главным образом к работе аппаратных структур под контролем партийного руководства. Была сделана попытка произвести огосударствление профсоюзов, организовать их работу на военно-принудительных началах. С такой идеей «завинчивания гаек военного коммунизма» в конце 1920 г. выступил Троцкий, который, возглавляя «попутно» Наркомат путей сообщения, проводил жесткую милитаризацию на транспорте.

Весьма сложным было положение в самой партии большевиков. На фоне всеобщего распада большевики единственной цементирующей и связующей силой, ему противостоящей, считали пролетариат. Но ввиду его деклассирования эту функцию взял на себя «авангард пролетариата» — партия большевиков. Партия, действительно, взвалила на свои плечи огромное бремя руководства страной, старалась охватить своим влиянием все стороны жизни общества. В духе «военного коммунизма» она выдает себя то за «железный батальон пролетариата», то за «железную когорту», то за «орден меченосцев». Но это не больше, чем иллюзия. РКП(б) вовсе не была единой и монолитной. Утвердившись как правящая партия, она, словно магнит, стала притягивать к себе самые разнородные элементы, вступавшие в нее и из карьеристских, и из шкурных, и иных побуждений. Всего за два года с марта 1919 г. по март 1921 г. (с VIII по X съезд) численность РКП(б) увеличилась более чем вдвое: с 313 тыс. до 730 тыс. членов. На ее составе отразились все явления, свойственные периоду «военного коммунизма». Но одновременно все имеющиеся кадры коммунистов расставлялись на самых различных участках руководства. На протяжении первых лет после революции повсеместно образовывались партийные комитеты, которые вмешивались в различные сферы управления.

Состав руководящих органов Советской республики в конце гражданской войны заслуживает тщательного анализа. В нем прежде всего выделялась «старая партийная гвардия», вожди, в чьих руках концентрировалось все больше и больше власти. Они занимали ключевые посты в государственном аппарате, совмещая подчас несколько должностей. Обнаружились признаки превращения этой группы в замкнутую правящую элиту: Несколько особняком стояло профсоюзное руководство, которое находилось как бы в партнерских отношениях с государством. Поэтому в профсоюзных организациях в то время работали достаточно сильные и яркие лидеры, вроде М.П. Томского, выдвинутые рабочей массой. В профсоюзных и других общественных организациях находили себе последнее прибежище деятели других партий, решившие связать свою судьбу с большевиками.

Вторую, более многочисленную, группу в аппарате составляли бывшие рабочие, матросы и солдаты. Заняв ответственные посты и должности, они, конечно, далеко не всегда им соответствовали. Многие были готовы «гореть» на работе, трудиться без сна и

отдыха, отдавать ей все силы, но сказывалось отсутствие культуры и образования. Эти люди мало знали, плохо разбирались в делах и волей-неволей вынуждены были подчиняться ранее заведенному порядку. Немало оказалось таких, кто, поддавшись искушению властью, впал в фанатерию, хамство, комиссарство, бравадование своим простонародным происхождением. Эти и подобные явления начали распространяться и получили название «комчванства». Стиль руководства в годы «военного коммунизма» сводился к жесткому приказу, команде, окрику. Многие «по делу и без дела» склонны были размахивать маузером, а то и спускать курок.

Наряду с руководителями в советском аппарате работали специалисты, прежде всего там, где большевикам без них обойтись было совершенно невозможно: в системе ВСНХ, в юстиции, в народном образовании и других сферах. Кадровая политика большевистского руководства по отношению к ним была двойственной и противоречивой: с одной стороны, жалобы на нехватку специалистов, стремление привлечь их к решению важнейших задач, взять на учет, уберечь от призыва в Красную Армию, обеспечить подбор кадров по деловому признаку, а с другой — третирование специалистов, линия на «орабочение» аппарата, проводимая партийными органами, ВЦСПС, ЦК отраслевых союзов.

Мощный пласт сотрудников новых учреждений составили мелкие служащие старой России: конторщики, приказчики, делопроизводители, счетоводы и т.п. Они принесли в советские учреждения прежний налет казенщины и канцеляризма, без которых не обходится ни одна бюрократия, и от них многое восприняли полуграмотные выдвиженцы из рабочих и крестьян. Относительно новой для советских учреждений была феминизация управленческого труда — процесс, в целом типичный для XX в. В Советской России он был ускорен введением всеобщей трудовой повинности, необходимостью получить паек, который обеспечивала только служба или работа. Поэтому канцелярии советских учреждений пополнились большим числом бывших гимназисток, школьниц, гувернанток, домохозяек и т.д.

Такой была многочисленная армия управленцев, состоявшая на службе нового режима, без особых изменений дожившая до наших дней. Она была весьма пестрой и аморфной, малоэффективной и малокомпетентной. Даже суровая обстановка «военного коммунизма» не гарантировала защиту от бюрократической «дьяволиады», по выражению М. Булгакова, от злоупотреблений и коррупции, с которых свидетельствуют многие источники того времени.

Встает вопрос о том, видели или нет большевистские лидеры проявления кризиса? Многие из них осознавали, что далеко не все получилось, как задумано, что возникли или восстанавливались институты, шедшие вразрез с революционными идеями, что вместо государства-коммуны, основанного на самоуправлении трудящихся, образовалась огромная государственная машина с сохранением всех атрибутов, присущих государству. Отчетливо осознавалась опасность бюрократизма. Ленин назвал Советскую республику рабоче-крестьянским государством с бюрократическим извращением. Борьба с бюрократизмом была поставлена в повестку дня VIII съезда Советов. Однако, как показывают выступления того же Ленина и его соратников, природа бюрократизма в советских учреждениях связывалась главным образом с наследием старого строя и с пресловутым «мелкобуржуазным окружением». Фактически не была осознана логика развития бюрократизма, вытекающая из воплощения на практике большевистских идей, а это сыграло большую роль в последующих событиях.

Ярким проявлением кризиса в партии стала профсоюзная дискуссия, развернувшаяся в конце 1920 г. В ней в завуалированной форме нашли отражение все противоречия кризисного времени: роль масс в строительстве нового общества, форма государственного управления, организация производства и др. Участники разбились на восемь платформ и ожесточенно спорили между собой. Подвести итоги дискуссии должен был X съезд РКП(б). Традиционно считалось, что победила точка зрения Ленина, который

в духе времени сформулировал тезис о профсоюзах как «школе коммунизма», о чем после этого 70 лет «галдычили» историки профсоюзного движения в СССР. Однако победа Ленина была не столь очевидна. Большинство участников дискуссии сошлись на том, что не время ввиду ухудшения общего положения в стране делиться на платформы и фракции. Была принята резолюция, где содержался пункт о временном запрещении дискуссий под страхом исключения из партии. Этот пункт в дальнейшем искусно был использован во внутрипартийной борьбе и стал одним из постоянных и основополагающих принципов деятельности коммунистов.

Между тем брожение в стране росло и ширилось, постепенно приближаясь к столице. Участились собрания и митинги, на которых большевистский режим подвергался открытой критике. Подняли головы меньшевистские и эсеровские агитаторы. Последней каплей в переполненную чашу проблем стали проявления недовольства в Петрограде и Кронштадтский мятеж в марте 1921 г. Почти все члены большевистской организации Кронштадта встали на сторону мятежников. Был избран революционный комитет во главе с беспартийным матросом Петриченко.

В истории с «Кронштадтом» необходимо отметить ряд существенно новых моментов. Во-первых, против большевиков выступили матросы Балтийского флота и гарнизона крепости, которая всегда, даже в труднейшие для большевиков дни, оставалась их надежным бастионом. Во-вторых, поразительное единодушие в рядах восставших, упорство, озлобление и отчаяние, с которым они сражались против большевиков, их готовность умереть, но ни на йоту не уступить в своих требованиях. В-третьих, участники мятежа выдвинули такие лозунги: свободные выборы, свобода всем социалистическим партиям, устранение большевистской диктатуры в Советах, свобода слова, печати, собраний, отмена всех мер военно-коммунистического характера, введение рынка и т.п.

Восстание удалось подавить с большим трудом и немалой кровью. Огромные силы под командованием Тухачевского были брошены на штурм Кронштадта против 16 тыс. гарнизона и матросов линейных кораблей.

«Кронштадт» ясно продемонстрировал всю опасность политики следования прежним курсом, показал, что нужно менять ее в наиболее уязвимых аспектах, принимать действенные меры по выходу из кризиса.

§ 2. Россия нэповская

Историю советского общества 1920-х гг. обычно связывают с новой экономической политикой, которую стали проводить большевики после окончания гражданской войны. В литературе часто значение нэпа суживается, сводится к анализу вопросов сугубо экономических. На самом деле время, когда проводилась эта политика, знаменательно большими переменами не только в хозяйственной, но и в социальной и политической сферах. В этот период в общественной жизни находила отражение борьба различных тенденций. Одни из них обуславливали объективные обстоятельства, в которых оказалась Советская республика, другие следовали из логики революционных преобразований, третьи были унаследованы из сложных перипетий эпохи «военного коммунизма». Экономика была лишь стержнем, вокруг которого «крутились» события. Если принять во внимание эту взаимосвязь, то можно получить более полное и многомерное представление о том, что произошло в стране в конце 1920-х гг. и что вслед за традицией, шедшей от Сталина, было названо «великим переломом». Поэтому есть смысл говорить не только о новой экономической политике как таковой, а о периоде или «эре» нэпа (термин западной историографии).

Историки и публицисты, которые обращаются к нэповской тематике, любят прибегать к метафорам и сравнениям. Одно время на слуху постоянно были ленинские слова о восходителе на очень крутую и высокую, никем не исследованную гору (видимо, имеется в виду движение к коммунизму), восходителе, который забрел в тупик и которому надо отступить, чтобы начать все сызнова, начать поиск других путей к

«вершине». Здесь коренится трактовка нэпа как отступления в стратегии социалистического и коммунистического строительства, наиболее последовательно выраженная Сталиным: *«Нэп — особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капиталистических элементов при наличии командных высот у пролетарского государства, рассчитанная на борьбу капиталистических и социалистических элементов, рассчитанная на возрастание социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на построение фундамента социалистической экономики».*

Цитата представляет собой типичный образчик сталинской одномерной «творческой мысли», которая как бы «топчется» на одном месте, переваривая сказанное, и медленными толчками продвигается вперед. Тем не менее в ней отражен в сущности тот взгляд на нэп, который до сих пор бытует во многих исторических трудах.

Но, прежде чем говорить о «восходителе» и «особой политике», наверное, стоит напомнить еще одну метафору, использованную Лениным, где он сравнивает страну после гражданской войны с избитым до полусмерти, тяжелобольным человеком. Как известно, такой человек больше думает не о «восхождении», а о «лекарстве», которое поставило бы его на ноги. Новая экономическая политика, безусловно, явилась тем лекарством, которое позволило восстановить народное хозяйство, обрести относительную внутреннюю стабильность в стране или, как чаще сегодня говорят, «неустойчивое равновесие», после чего на повестку дня снова всплыл вопрос о «штурме высот социализма». Поэтому на нэп нужно взглянуть прежде всего как на «лекарство», как на средство, позволившее выйти из тяжелой кризисной ситуации. Подобный подход, думается, небезынтересен с точки зрения нынешних реалий.

Первый вопрос — откуда появилась идея нэпа? Авторами идеи считали себя многие, в том числе и в стане большевистских лидеров, а ее творцом долгое время признавали Ленина. В 1921 г. Ленин в брошюре «О продналоге» писал, что принципы нэпа были разработаны им еще весной 1918 г. в работе «Очередные задачи Советской власти». Определенная «переключка» между идеями 1918 и 1921 гг., конечно, есть. Это становится очевидным при учете сказанного Лениным о многоукладности экономики страны и политике государства по отношению к отдельным укладам. И все же бросается в глаза разная расстановка акцентов, на которую (возможно, умышленно) не обратил внимания сам Ленин. Если в 1918 г. предполагалось строить социализм путем максимальной поддержки и укрепления социалистического (государственного) сектора наряду с использованием элементов государственного капитализма при противостоянии частному капиталу и «мелкобуржуазной стихии», то теперь говорится о необходимости привлечь для нужд восстановления (а позже и строительства нового общества) другие формы и уклады. Осенью 1921 г. Ленин пишет: «Не дадим себя во власть «социализму чувства» или старорусскому, полубарскому, полумужицкому, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и **надо** уметь пользоваться, раз является в том надобность, для укрепления связи крестьянства с пролетариатом, для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для подъема промышленности, для облегчения дальнейших, более широких и глубоких мер, как то: электрификации». (Напомним, что у Ленина электрификация олицетворялась с коммунизмом.)

Последний лейтмотив звучит в его поздних трудах все более явственно и отчетливо, несмотря на продолжающуюся риторику о «вынужденном отступлении».

Но было бы ошибкой связывать нэп только с именем Ленина. Идеи о необходимости изменения проводимой большевиками хозяйственной политики постоянно высказывались наиболее трезвыми и дальновидными людьми, независимо от их политической принадлежности. С этой точки зрения убийственную критику системе

«военного коммунизма» давал, например, видный экономист Б.Д. Бруцкус в ряде своих публичных выступлений и статей. О том же говорили лидеры меньшевиков и эсеров. До тех пор, считали они, пока крестьянство живет в условиях товарного производства, никакими мерами насилия это производство не может быть заменено социалистическим. Пока рабочие на национализированных предприятиях не будут получать кроме зарплаты часть чистой прибыли и не будут принимать непосредственного участия в управлении ими на началах выборности и широкого демократического контроля за деятельностью администрации, национализация промышленности останется псевдосоциалистической мерой. Опасность гипериндустриального подхода к задачам социалистического переустройства общества состоит в том, что он ведет только к отчуждению трудящихся от собственности, власти и управления в пользу партийной олигархии, которая неизбежно вырождается в бюрократию. Распространение начал народовластия и самоуправления в области политической должно дополняться распространением их на область хозяйственную или социальную.

Большевикам было откуда почерпнуть представления о том, как нужно перестраивать экономику. На вооружение были взяты идеи стимулирования сельскохозяйственного производства с помощью дифференцированного налогообложения, кооперирования системы сбыта и снабжения, поощрения торговли и обмена для расширения внутреннего и внешнего рынка, стабилизации валюты в интересах повышения уровня жизни населения, демонополизации управления промышленностью и частичной ее денационализации. Однако, и в этом существенное отличие реформ периода нэпа от прежних и последующих, не особенно доверяя своим знаниям и опыту практических дел, накопленному в «героический период», большевистское руководство широко привлекало к экономическим мероприятиям «буржуазных специалистов». Почти при каждом органе управления: при ВСНХ, Госплане, Наркомфине, Наркомтруде и др. — существовала разветвленная система учреждений, вырабатывающих научно обоснованную и достаточно взвешенную хозяйственную политику. Самим народным комиссарам пришлось сесть за учебники и «ученые» труды, сверяя их с «Капиталом» Маркса. Сегодня в печати высказывается мысль, что отдельные мероприятия нэпа лежали в русле идей отечественной финансово-экономической школы конца прошлого — начала нынешнего века. Однако подобный взгляд кажется слишком односторонним. Новая экономическая политика вобрала в себя комплекс разных идей.

В свете сказанного, видимо, следует избегать упрощенных представлений о нэпе, в том числе со ссылкой на Ленина, обращающих внимание только на отдельные стороны этой политики, типа нэп — это союз («смычка») города и деревни, «передышка перед решающим штурмом», «перегруппировка классовых сил» и т.п. Нэп — это цикл последовательных мероприятий по выходу из кризиса, которые диктовались скорее объективными обстоятельствами, чем какими-либо идеями, и которые постепенно оформлялись в попытку наметить программу построения социализма экономическими методами. Наиболее последовательно эта программа была изложена в 1920-е гг. в трудах Н.И. Бухарина, о ком речь пойдет ниже. С этой точки зрения становится правильное понимание смысла термина «новая экономическая политика», новая, т.е. сменяющая старую, военно-коммунистическую, и выдвигающая на первый план экономические методы управления. Проясняется вопрос о периодизации нэпа, о чем раньше тоже возникало немало споров. Нэп кончается тогда, когда вместо экономических наступает полное господство методов административных, насильственных, чрезвычайных.

Правда, здесь мы встречаемся с двумя тенденциями, до сих пор характерными для историографии. Первая — идеализация нэпа, преувеличение успехов и достижений этого периода. Введение нэпа, в этом нет сомнения, позволило восстановить разрушенное народное хозяйство, облегчить тяготы, улучшить материальное положение людей. Однако в этот период получили развитие и многие процессы, порожденные рынком и усиленные специфическими обстоятельствами, в которых оказалась страна с ее разрухой, отсталой

экономической и социальной организацией, аграрным перенаселением, инерцией военно-коммунистического наследия и др. Введение нэпа сопровождалось постоянным ростом безработицы, сокращением доли средств, идущих на социальные нужды и программы, на образование. С этими явлениями связана вторая тенденция — критика нэпа, которая исходит как от последовательных, «чистых» рыночников, так и антирыночников. Они обращали внимание прежде всего на так называемые «кризисы нэпа», которые прошли через всю его историю и, по мнению отдельных ученых, не получив своего разрешения, привели к его свертыванию. У иных авторов получается, что нэпа как политики прежде всего экономической вообще не было.

Следует заметить, что споры вокруг нэпа получают постоянную подпитку. Дело в том, что модели существования смешанной экономики, одна из которых впервые имела место в Советской России, в той же или видоизмененной форме с неодинаковой степенью успехов и поражений проходили и проходят апробацию в разных странах и различных исторических условиях. Это снова и снова вызывает необходимость обращения к истории нэпа, ее объективной и беспристрастной оценки.

В разгар осуществления военно-коммунистических мероприятий в феврале 1920 г. один из главных их вдохновителей Троцкий неожиданно выступил с предложением заменить продразверстку фиксированным налогом, однако никаких конкретных последствий его предложение не имело. Это был скорее импульсивный акт, реакция на трудности, связанные с продовольственным обеспечением. Ни в тот момент, ни позже Троцкий никогда не проявлял себя ни последовательным приверженцем преобразований в духе нэпа, ни сторонником возврата к «военному коммунизму», придерживаясь скорее прагматических, чем доктринальных экономических воззрений.

Конкретные шаги по внедрению экономических стимулов в народное хозяйство начались весной 1921 г. при выполнении решений X съезда РКП(б) о замене продовольственной разверстки натуральным налогом и допущении товарообмена в пределах местного хозяйственного оборота. В среднем размеры натурального налога оказались на 30—50% ниже размеров продразверстки, исчислялись из площади посева и объявлялись крестьянам заранее. Кроме зерновых, натуральными налогами облагалась животноводческая продукция: мясо, масло, шерсть, кожи и т.п. Всех налогов в 1921 г. было установлено 13. Это представляло значительные неудобства. Очень мешала и прежняя идеология. Так, первоначально большевики рассчитывали обойтись без торговли, рынка и денежного обращения, предлагая крестьянам обменивать излишки своей продукции на принадлежащие государству промышленные товары по фиксированным натуральным эквивалентам, например 1 пуд ржи = 1 ящику гвоздей. Из этой затеи ничего не вышло. Псевдосоциалистическому товарообмену крестьяне предпочли привычную и удобную куплю-продажу товаров за деньги. Переход к рыночным отношениям в основном завершился к осени 1921 г., побудив руководство РКП(б) к осуществлению реформ в области государственной промышленности (переход госпредприятий на принципы хозяйственного расчета) и государственных финансов (замена натуральных налогов денежными, формирование бюджета, контроль за денежной эмиссией и т.д.). Встал вопрос о создании государственного капитализма в форме аренды и концессий. К государственно-капиталистической форме хозяйствования первоначально отнесли и кооперацию: потребительскую, промысловую и сельскохозяйственную.

Главная задача, которую провозглашало большевистское руководство, — укрепление социалистического сектора путем создания крупной государственной промышленности и регулирование ее взаимодействия с другими укладами. В литературе часто утверждается, что упор на социалистическую промышленность создавал ситуацию «расходящейся экономики» и порождал противоречия и «кризисы нэпа». Это было бы так, если бы в государственном секторе не производилось никаких изменений по сравнению с прежней системой. Поэтому нужно более тщательно разобраться в сущности так называемой хозяйственной реформы 1921—1923 гг. в промышленности.

Согласно этой реформе, в государственном секторе были выделены наиболее крупные и эффективные предприятия, более или менее обеспеченные топливом, сырьем и т.п. Они подчинялись непосредственно ВСНХ. Остальные подлежали сдаче в аренду.

Предприятия, подчиненные ВСНХ, сводились в «кусты», объединялись в тресты, деятельность которых должна была строиться на строго хозрасчетных принципах, самофинансировании и самоокупаемости. Убыточные и нерентабельные предприятия (главным образом те, которые в предшествующие годы были связаны с производством военной продукции) закрывались или становились на консервацию. Правда, по политическим мотивам делались некоторые отступления, как в случае с Путиловским заводом. Действующие предприятия доукомплектовывались квалифицированной рабочей силой за счет направления демобилизованных из армии и частичного возвращения тех рабочих, которые разбежались по деревням в годы гражданской войны. Для подготовки новых кадров была создана система профессионально-технического обучения, не имевшая, правда, массового характера. Для регулирования отношений между трестами, снабжения предприятий сырьем, материалами, для сбыта их продукции на рынке учреждались объединения-синдикаты, которые должны были действовать строго на договорной основе.

Была перестроена система управления государственной промышленностью. Вместо полусотни прежних отраслевых главков и центров ВСНХ было организовано 16 управлений. Число служащих сократилось с 300 тысяч до 91 тысячи.

Аппарат других наркоматов также подвергся сокращению. Был ликвидирован Наркомат продовольствия, а также многочисленные междуведомственные комиссии: по чрезвычайному снабжению Красной Армии (Чусоснабарм), по заготовке валенок и лаптей (Чеквалап) и т.д. Центральным органом перспективного государственного планирования стал Госплан. Комиссия ГОЭЛРО была расформирована.

С окончанием военных действий была сокращена численность Красной Армии (с 5 млн. до 562 тыс. человек). В 1923—1924 гг. кадровая система комплектования вооруженных сил была дополнена территориальной. Общее количество дивизий сократилось, но зато несколько повысилась их боевая мощь.

Для упорядочения и оздоровления финансов в конце 1921 г. был образован Государственный банк. Ему с 1922 г. было предоставлено право выпуска банковских билетов-червонцев с твердым покрытием. Параллельно с ними в течение 15 месяцев продолжали ходить в обращении постоянно обесценивающиеся советские денежные знаки, эмиссией которых правительство заполняло прорехи в бюджете. Эти дензнаки также выполняли функцию разменных денег для червонцев, покупательная способность которых была достаточно высокой — на уровне дореволюционной золотой десятки. Весной 1924 г. правительство ввело в обращение новые казначейские билеты достоинством в 1, 3 и 5 рублей, а также разменную (медную и серебряную) металлическую монету. Советские денежные знаки прекратили свое хождение.

Денежная реформа 1924 г. имела огромное экономическое и политическое значение. Народное хозяйство страны получило твердую денежную единицу — червонец, частично конвертируемую и достаточно стабильную, чтобы с ее помощью вести валютно-торговые операции как внутри страны, так и за рубежом. Господствующий в стране режим доказал свою способность проводить экономическую политику, содействующую накоплениям капиталов и сохранению сбережений населения.

Успешному проведению в жизнь новой экономической политики препятствовали многие объективные факторы, такие, например, как экономическая блокада страны и послевоенная хозяйственная разруха. В этих условиях чрезвычайно трудно было противостоять стихийным бедствиям. В 1921—1922 гг. 25 хлебопроизводящих губерний Поволжья, Дона, Северного Кавказа и Украины были поражены сильнейшей засухой. 6 миллионов крестьянских хозяйств фактически вышли из строя. Голод сопровождался вспышками эпидемий тифа, малярии и др. Убыль населения в республике составила, по

некоторым оценкам, около 8 млн. (около 6% населения). Тысячи людей бежали из пораженных бедствием районов. Увеличилось число нищих, бродяг, сильно возросла детская беспризорность. Голод в Советской России 1921 — 1922 гг. известен как один из самых опустошительных в мировой истории.

Борьба с голодом, пожалуй, тоже впервые в истории велась как широкая государственная кампания. Были мобилизованы все учреждения, предприятия, кооперативные, профсоюзные, молодежные организации. Красная Армия, была образована Центральная комиссия помощи голодающим — Помгол. Широкое участие в борьбе с голодом в России приняли международные организации, в частности такие, как Межрабпом (специальная организация, созданная Коминтерном) и американская благотворительная организация АРА (American Relief Administration). В голодающие районы непрерывно шли эшелоны с продовольствием, лекарствами, медикаментами. Заграничная помощь голодающим России на конец 1921 г. составила 2380 тыс. пудов продовольствия. Внутри страны было собрано 780 тыс. пудов. Чтобы помочь голодающим, государство пошло на изъятие церковных ценностей, причем данное мероприятие было проведено таким образом, что обострило давно, со времени революции, тлеющий конфликт между властью и церковью. В пораженных голодом районах сохранялось военное положение, так как власти опасались распространения бандитизма и контрреволюционных мятежей. Несмотря на ужасающие последствия голода, все же в результате принятых мер в 1922 г. удалось засеять 75% посевных площадей в пострадавших районах.

В конце 1923 г. из-за несогласованности действий органов хозяйственного управления произошел резкий скачок цен на промышленные товары массового спроса по сравнению с ценами на сельскохозяйственную продукцию. Следствием этого стал первый кризис нэпа, затор в товарообороте, вызванный «ножницами цен». Из-за низкой платежеспособности крестьянского населения и искусственно завышаемых государственными трестами и частными торговцами цен на промышленные товары возникли проблемы с их сбытом. Несмотря на то что крестьяне собрали хороший урожай, они не торопились, памятуя предыдущие голодные годы, расставаться с товарными излишками сельскохозяйственной продукции, цены на которую к тому же резко снизились. Вследствие трудностей сбыта промышленных товаров ухудшилось финансовое положение государственных предприятий, перешедших на принципы хозрасчета и самоокупаемости. Нечем стало выплачивать зарплату рабочим, возникла угроза забастовок. Кризис был разрешен административными мерами, вмешательством государственных органов, которые снизили (примерно на 30%) цены на промышленную продукцию.

К середине 1920-х гг. предприятия легкой и пищевой промышленности в основном восстановили довоенные объемы производства в стране. Здесь немалую роль играло возрождение мелкого и кустарно-ремесленного производства. В 1925 г. в нем было занято около 4 млн. человек, больше, чем в фабрично-заводской промышленности. Но особенно быстро увеличивалось число торговцев и торговых заведений.

С переходом к нэпу и разрешением частной торговли, казалось, вся страна превратилась в гигантский базар, особенно в тот момент, когда еще не была налажена государственная налоговая служба. Бывшие мешочники, рабочие, демобилизованные солдаты, домохозяйки и т.д. и т.п. толпами высыпали на улицы и площади, торгуя и обмениваясь кто чем может. Оживилась деревенская, ярмарочная торговля. Очень скоро весьма решительно стало проявляться вмешательство государства. Торговцы, впрочем, как и мелкие производители, должны были выкупать патенты и уплачивать прогрессивный налог. В зависимости от характера торговли (торговля с рук, в ларьках и киосках, магазинах, розничная или оптовая торговля, количество наемных рабочих) они были поделены сначала на 3, затем на 5 категорий. К середине 1920-х гг. был сделан очень значительный сдвиг к стационарной торговле — создана широкая сеть магазинов и

магазинчиков, занимающихся розничной торговлей, где главной фигурой был частник. В оптовой торговле преобладали государственные и кооперативные предприятия. С 1921 г. стали возрождаться как пункты обращения товаров массового характера биржи, упраздненные в период «военного коммунизма». К 1925 г. их число достигло довоенной цифры. К концу того же года в СССР было зарегистрировано 90 акционерных обществ, которые представляли собой объединения преимущественно государственного, кооперативного или смешанного капитала. Оборот торгующих акционерных обществ несколько превышал 1,5 млрд. руб.

С переходом к нэпу государство предоставило возможность развития различных форм кооперации. Наиболее быстро разворачивалась потребительская кооперация, тесно связанная с деревней. Однако и другие формы — снабженческая, кредитная, промысловая, сельскохозяйственная, производственная, жилищная и др. — получили стимулы для своего развития. В стране стали возникать машинные, мелиоративные, семеноводческие, племенные станции и объединения. Началась концентрация и специализация производства. Впервые кооперация получила свое организационное оформление в масштабе государства, хотя довольно сложное и путаное. Во главе потребительской кооперации стоял Центросоюз, кустарно-промысловой — Всекопромсоюз. По линии сельскохозяйственной кооперации было создано 16 центральных союзов кооператоров, таких, как Хлебоцентр, Маслоцентр, Льноцентр и др. Деятельность кооперативных объединений финансировалась сетью кооперативных и коммерческих банков. Под влиянием высказываний Ленина о кооперации был изменен ее статус. Теперь она (с некоторыми оговорками) стала относиться к социалистическому сектору народного хозяйства.

С 1924 г. стало «рассасываться» положение в тяжелой промышленности, началась расконсервация крупных заводов. Однако восстановление здесь шло более медленными темпами, и довоенный уровень был достигнут только к концу десятилетия.

Ободренное экономическими успехами, руководство в середине 1920-х гг. сделало еще несколько шагов в направлении рынка. Были снижены налоговые ставки с целью стимулирования производства и мелкой торговли, расширены возможности аренды и найма рабочей силы, выселения на хутора. Однако эти меры не дали существенного эффекта. Напротив, начиная с 1926 г. в советском обществе стали нарастать трудности и противоречия, причины которых следует искать не только в экономике, но и в других сферах: социальной, политической, идеологической.

Блага от нэпа получили далеко не все. Нэпом была довольна значительная часть партийного и государственного руководства, воспитанная в духе «революционного штурма» и военно-коммунистической идеологии, а также служащие госаппарата, поставленные перед угрозой сокращения. Нэп отрицали левацки настроенные интеллигенты. В период нэпа увеличилось число «лишних ртов», постоянно росли ряды безработных, вызывая недовольство тех, кто рисковал пополнить их число. В среде крестьянства тоже не было единства, роптали те, кто не особенно был настроен на систематический труд или попал в сложные жизненные обстоятельства. Особенно тяжело воспринимались рост капиталистических элементов, усиление имущественной дифференциации, неприемлемые для эгалитаристских настроений первых послереволюционных лет. Недовольны были те, кто рассчитывал на быстрое воплощение в жизнь обещаний, щедро раздаваемых в период революции.

Положение класса, от имени которого вершилась диктатура, т.е. рабочих, по сравнению с дореволюционным, несомненно, улучшилось, однако изменения, произошедшие в нем, могут быть оценены далеко не однозначно. Недовольство своим положением выразилось в массовых выступлениях рабочих в защиту собственных экономических интересов. В 1922 г. бастовало почти 200 тыс. рабочих, в 1923 г. - 165 тыс., в 1924 г. - 41 тыс., причем снижение числа стачек было связано не только с улучшением материального уровня рабочих, сколько с административными запретами.

Вряд ли можно говорить о преодолении «деклассирования пролетариата». Качественный состав его продолжал переживать процесс размывания. Значительные людские потери, ибо именно на рабочих выпали основные тяготы гражданской войны, гибель на фронтах лучших невосполняемых кадров, нанесли серьезный ущерб демографической и профессиональной структуре рабочего класса. Те, кто пережил войну, не особенно были склонны возвращаться на производство, даже рядовые красноармейцы рассчитывали «на должность», не говоря уже о комиссарах. Вот, например, весьма типичный документ эпохи (с сохранением орфографии оригинала): *Заявление в бюро ячейки отдельного кавэскадрона 27 Омской стрелковой дивизии имени Итальянского пролетариата от красноармейца члена РКСМ Н.И. Орловского*

Прошу вашего ходатайства если возможно направить меня в школу ВПШ так мое стремление учиться политическому учению если не возможно то прошу послать меня на производства к нашему шефу в город Москву [имеется в виду Главное управление военной промышленности] так как я на своем мельком и бедном хозяйстве жить не приходится и нужно искать помощи в своей повседневного пропитание или в крайнем случаев не возможно меня никуда отправит до прошу совместно с командиром эскадрона оставит меня служит в рядах Красной Армии так как мне не приходится больше не очом возбуждают ходатайство прошу бюро ячейки обратить внимание на мое исложение прозбы так как я думаю что поможет мне где либо устроиться

Член ЛРКСМ Николай Иванович Орловский»

В какой-то мере подобным амбициям могли удовлетворять два явления, характерных для истории 1920-х гг.: выдвигенчество и демократизация системы образования. Революция необычайно усилила всеобщее стремление к учебе, поощряемое официальными лозунгами. Вузовские аудитории, главным образом с помощью рабфаков, учрежденных в 1919 г., стали быстро заполняться рабочей молодежью, отрывающейся от производства. Ясно, что эти явления не лучшим образом сказывались на тех, кто еще оставался у станков.

В начале восстановительного периода рынок труда мог обеспечить заводы и фабрики квалифицированной рабочей силой. Однако по мере решения задач восстановления обнаруживался парадокс: нехватка рабочих рук при их излишке, т.е. недостаток прежде всего квалифицированных рабочих. Да и само понятие квалификации оставляло желать лучшего. На производстве преобладал серенький малообразованный тип рабочего, не умевшего как следует постоять за свои права и не способного к рабочей демократии. Отчасти этим объясняется слабость профсоюзного движения в 1920-е гг., хотя большинство рабочих, несмотря на переход к добровольному принципу объединения, продолжало оставаться в профсоюзах. С этим была связана дискуссия о праве рабочих на забастовки. Такое право было признано только за рабочими частного сектора. Впрочем, позиции профсоюзного руководства и органов рабочего управления на производстве в тот период были достаточно сильными, и администрация с ними была вынуждена считаться.

Весьма своеобразной была в период нэпа политика официального руководства — был выдвинут лозунг соблюдения «чистоты рядов рабочего класса», сохранения его «от мелкобуржуазного заражения». Даже неискушенному человеку ясно, что этот лозунг противоречил всем принципам нэпа, «смычке» рабочего и крестьянина. Свою лепту внесло и постоянное «идеологическое поклонение» руководства рабочему классу, явное и неявное предпочтение его представителям, третирование на этом фоне других социальных слоев и групп.

Нэп не только не покончил с деклассированными элементами, которых немало образовалось в предшествующие годы, но в какой-то степени способствовал их росту. Постоянно увеличивалось число безработных. Пышным цветом расцвели преступность, проституция, наркомания. В три раза в 1920-е гг. увеличилось число разводов.

В городах 1920-х гг. наблюдались оживление и рост слоя мелких и средних предпринимателей — нэпманов, владельцев торговых заведений, мастерских, булочных, кафе, ресторанов и пр. Положение этой группы населения было незавидным. В сущности, она находилась в постоянном враждебном окружении: официальная политика по отношению к нэпманам колебалась от вынужденного признания до периодически проводимых гонений и налетов, бюрократического произвола. «Новые капиталисты» были полностью лишены политических прав. Подобная обстановка создавала у нэпманов ощущение зыбкости, временности, неустойчивости происходящего. В соответствии с этим складывался их стиль жизни — «пропадать — так с музыкой!», урвать побольше, непрерывные кутежи, рвачество, готовность идти в обход закона. Все эти явления известны из литературы, как «гримасы» или «угар» нэпа.

Наряду с этим обнаружили признаки симбиоза «пролетарского государства» и «частнохозяйственного капитализма» в среде коррумпированных работников партийного и государственного аппарата, вызывавшего особенное недовольство в массах, как свидетельствуют многочисленные письма в различные органы. Началось перерождение советской бюрократии.

В российской деревне 1920-х гг. наметились некоторые позитивные сдвиги. Сказывалась еще инерция столыпинской реформы, чаще происходило выселение хозяев на хутора, продолжалось ослабление общинных устоев; крестьяне поговаривали о переходе к интенсивным формам хозяйства, к многополью. Однако эти изменения были очень малозаметными. Деревня унаследовала значительную часть оставшихся от прошлого противоречий. Осуществляемый после революции «черный передел» не приносил желаемых результатов. Проблема, стало быть, заключалась не только в количестве земли, предоставленной в пользование, а в целом ряде причин социально-экономического свойства, которые требовали комплексного решения. Политика сдерживания зажиточных крестьян с помощью прогрессивного налогообложения и помощи малоимущим объективно вела к осереднячиванию крестьянства. Между тем понятие «средняк» по российским меркам было весьма относительным. Средняцкие хозяйства — это чаще всего хозяйства малотоварные, потребительские, с тенденцией к очень медленному и неустойчивому, зависимому от многих факторов (природных, демографических и др.) росту производства. Партийные руководители, привыкшие мыслить европейским и стандартами и сохранявшие старое социал-демократическое пренебрежение к крестьянству вообще, считали российскую деревню бедной, отсталой и нищенской, отсюда возникновение в рамках нэпа стремления создать в деревне рачительного и культурного хозяина, что требовало значительных затрат на развитие сельского хозяйства. Однако представление о том, как это можно сделать, было весьма смутным и противоречивым. Выдвинутый Бухариным лозунг: «Обогащайтесь!» был неприемлем для официальной политики и господствующего в обществе менталитета. Неслучайно его автор оказался мишенью для критики со всех сторон и родоначальником «правого уклона». Ставка на кооперацию также предусматривала медленный эволюционный путь преобразований в деревне. До поры, до времени два десятка миллионов крестьянских хозяйств еще покрывали потребности сравнительно небольшого городского населения и восстанавливающейся промышленности, но рано или поздно вопрос об ускорении развития сельскохозяйственного производства должен был встать на повестку дня.

Получив от нэпа экономическое облегчение, крестьянство мало приобрело в политической области. «Государство диктатуры пролетариата», провозгласив линию на союз с крестьянством, весьма своеобразно интерпретировало этот союз и не стремилось существенно расширить политические права деревенских жителей, снять, например, избирательные ограничения и неравенство прав на выборах в советские органы. Многочисленные письма крестьян, шедшие в печатные органы и в адрес руководства, свидетельствуют об их недовольстве подобной политикой. Ожилились идеи создания

особых политических организаций крестьянства, Крестьянского союза. В ряде мест крестьяне выступили со своими политическими и экономическими требованиями. Самым значительным из этих выступлений было крестьянское восстание в Грузии, названное современниками «вторым Кронштадтом» и побудившее политическое руководство на некоторые дальнейшие уступки крестьянству, инициирование кампании 1924—1925 гг. под лозунгом «лицом к деревне».

Часто в литературе встречается утверждение, что трагедия нэпа заключалась в том, что экономические меры не были подкреплены политическими реформами. Это не совсем так. По сравнению с «военным коммунизмом» были сделаны шаги в направлении демократизации общества. Это прослеживается в самых разных областях, в том числе и в политическом устройстве, среди них можно назвать попытку оживить работу Советов, образование союзного государства, разработку административно-территориальной реформы. Однако все эти действия были непоследовательными, противоречивыми, а иногда сопровождались встречными действиями прямо противоположного свойства, и прежде всего в идеологической области, исходившими от правящей партии.

Одним из важнейших условий перехода страны из состояния гражданской войны к миру было бы развитие местного самоуправления. Функции местного самоуправления принадлежали Советам. Но для их осуществления Советы нуждались в расширении прав в административной, хозяйственной, культурной и других областях. Несмотря на некоторое расширение полномочий местных органов, Советы были ограничены принятием и утверждением заранее готовых решений, сориентированы на выполнение инструкций народных комиссариатов и директив партийных органов.

РКП(б)/ВКП(б) в 1920-е гг. превращается из политической партии в особый социальный и политический организм советского общества. Политика по отношению к другим партиям характеризовалась крайней нетерпимостью, несмотря на то что многие группы меньшевиков, эсеров, анархистов неоднократно заявляли о своем желании легализоваться и сотрудничать с большевиками в деле хозяйственного возрождения и социалистического строительства. В 1921—1922 гг. был организован ряд процессов, на которых по обвинению в контрреволюционной деятельности предстали руководители партии эсеров и других политических групп. Суд был скорым и неправым. Воспоинались старые обиды, что противоречило декрету о прощении лиц, принимавших участие в гражданской войне. По результатам процессов деятельность всех политических партий была запрещена. В борьбе против них чекисты использовали политические провокации, внедрение агентов в нелегальные организации, аресты «социально неблагонадежных элементов». Советское государство сделало последний шаг по пути превращения в однопартийную диктатуру.

Одновременно в РКП(б) была проведена широкомасштабная чистка с целью сохранения идеологического пуризма, избавления партийных рядов от случайных, неустойчивых элементов, которые, по мнению руководства, подрывали авторитет партии, снижали ее имидж передового революционного авангарда пролетариата. Всеми делами в партии заправляла небольшая группа бывших профессиональных революционеров, которые рассредоточились на важнейших партийных и государственных постах. Эта партийная элита мыслила еще себя неотрывной частью мирового революционного движения, его леворадикального коммунистического крыла. По ее тогдашнему убеждению, революция в России являлась лишь этапом на пути к мировой революции. Нэп представлялся им как «затяжка» на этом пути. С этой точки зрения он трактовался как своего рода «отступление», «перегруппировка сил» в расчете на то, что рано или поздно произойдет крах системы международных отношений, основанной на Версальском мирном договоре. Понадобилось еще время, чтобы в этой элите вызрела идея построения социализма в одной стране и необходимости свертывания нэпа.

Пока же период окончания гражданской войны и перехода к нэпу был отмечен нарастающей активностью российских коммунистов на международной арене. Созданный

в 1919 г. по инициативе Ленина Коммунистический интернационал (Коминтерн) провозгласил себя организацией открытого массового действия, построенной по образцу большевистской партии и ставившей конечной целью осуществление мировой социалистической революции. На III Конгрессе Коминтерна, который собрался в июле 1921 г. в Москве, присутствовало небывалое число делегатов (605 из 52 стран). Конгресс выдвинул задачу скорейшего образования коммунистических партий и завоевания ими масс (лозунг «к массам»), создания массовых революционных организаций. В их число входили КИМ (Коммунистический интернационал молодежи; 1919), Профинтерн (1920—1921), Межрабпом (Международная рабочая помощь; 1921), МОПР (Международная организация помощи борцам революции; 1922) и др.

Противоречия политической жизни 1920-х гг. проявились и в правовой сфере. С одной стороны, наблюдалось стремление поставить общество в рамки закона и с этой целью был разработан и принят целый ряд кодексов, регулирующих правовые отношения (Гражданский, Земельный, Трудовой, Уголовный и др.). С другой стороны, в законодательстве явно был заметен примат классового содержания и революционной целесообразности. Политические и идеологические органы выносились тем самым как бы за рамки закона, хотя цель судебной реформы была покончить с злоупотреблениями властью. Так, чтобы подчеркнуть этот момент, ВЧК преобразовывалась в Главное политическое управление (ГПУ, с 1924 г. — ОГПУ), однако сохранение за ним политических функций отводило ему в обществе особое место.

Вместе с тем Гражданский кодекс давал право любому гражданину, достигшему 16 лет, получить лицензию на торговлю в лавках, общественных местах, на рынках или базарах любыми предметами или продуктами, на открытие предприятий бытового обслуживания, магазинов, кафе, ресторанов и т.п., на аренду зданий и помещений, производственного оборудования, средств транспорта. Главным условием владения лицензией была своевременная уплата налогов, предоставление по первому требованию властей всех счетов и отчетной документации, неучастие в противозаконных финансовых, торговых и прочих операциях. Аналогичные права и обязанности устанавливались для кооперативных организаций. Было дано определение юридически-правового статуса государственных торговых и промышленных предприятий, по которому они уравнивались в правах и обязанностях с частными.

Земельный кодекс признавал все существующие формы землепользования: общину, артель, отруба и хутора или их комбинации. Свобода выбора оставалась за крестьянином. Сохранение общины с периодическими переделами земли не возбранялось, но и не поощрялось. Крестьянин мог выйти из общины и закрепить за собой надел в качестве пользователя. Сдача земли в аренду разрешалась на срок не более 2 лет. Купля и продажа надела не разрешались. Допускался наемный труд при условии, чтобы наемные рабочие трудились наравне с членами семьи.

Трудовой кодекс основывался на добровольных отношениях по поводу найма рабочей силы. За государством оставались функции установления минимума зарплаты и контроль за соблюдением минимальных условий труда: 8-часовой рабочий день, оплаченные отпуска, ограничение на применение детского труда и т.д. Трудоустройство граждан должно было осуществляться через биржи труда. Для членов профсоюза формой трудоустройства становился коллективный договор. Профсоюзы сохраняли за собой монополию на охрану труда и защиту интересов работников.

В идеологической и культурной жизни в 1920-е гг. наблюдались еще элементы плюрализма. В начале нэпа была несколько ослаблена цензура. Существовали различные научные школы и направления. Достаточно богатой и разнообразной была художественная жизнь. В среде интеллигенции получила довольно широкое распространение идеология «смены вех», которую иногда представляют как идеологию национал-большевизма. Ее авторами были Н.В. Устрялов, один из деятелей правительства Колчака, а также ряд эмигрантских публицистов. Суть сменовеховских идей, чем они

более всего пришлось по душе российской образованной публике, — признание Советской власти, как сумевшей спасти государственность в России, найти разумный выход из кризиса, и необходимость сотрудничества с ней в расчете на то, что жизнь сама все поставит на свое место, заставит большевиков пойти по пути возрождения и разумного устройства страны, независимо от их революционной риторики. В рядах большевиков сменовеховство было встречено крайне подозрительно. Тем не менее среди теоретиков партии под влиянием нэпа появились проповедники классового гражданского мира, борцы с военно-коммунистической идеологией. Однако не они определяли погоду. Большинство оставалось на позициях чистоты марксизма, классовой борьбы, идейного противоборства. Именно они постепенно раскручивали идеологическое наступление по «всем фронтам». Идейные противники большевиков подвергались запретам, гонениям, судебным преследованиям, выдворению за границу. Сначала вынуждены были уехать из страны лидеры небольшевистских организаций. В 1922 г. из России была выслана большая группа писателей и ученых: философов, социологов, историков, стоявших якобы на реакционных позициях. Изгнание за рубеж продолжалось и в последующие годы.

Особенно яростной и нетерпимой была антирелигиозная пропаганда. Большая часть населения страны, особенно старшие поколения, оставалась верующей. Борьба с религией представляла собой своеобразную «битву за умы». Хотя коммунисты частично преуспели в своей агитации среди молодежи, сломить пассивное сопротивление церкви им не удалось. Воинствующее, зачастую безграмотное безбожие, насаждаемое административными мерами, не имело особых шансов на успех. В начале 1920-х гг. внутри православной церкви усилилось так называемое «обновленческое движение», которое само по себе восходило к либеральным и христианско-социалистическим идеям начала века, противостоявшим официальной церковной политике. Однако в сложившейся ситуации движение было искусно использовано партийными и политическими органами для раскола церкви. Обновленцы созвали церковный Собор с целью низложения патриарха Тихона. Признанием Советской власти в середине 1923 г. и прекращением «анафемствования» коммунистов патриарх выбил почву из-под ног своих оппонентов. Тем не менее крайне враждебное отношение к религии и гонения на церковь со стороны руководства продолжали усиливаться. Таким образом, общая картина, складывавшаяся в первые годы нэпа, была весьма далека от идеальной. Встает вопрос, какие выводы сделало для себя большевистское руководство из своих послеоктябрьских экспериментов. С этой точки зрения вызывают интерес раздумья уже отошедшего от дел, тяжело больного Ленина. Советская историография много писала о ленинском плане строительства социализма, о политическом завещании Ленина. Вряд ли стоит говорить о существовании такого плана и тем более о завещании. Из лоскутных и противоречивых высказываний Ленина последних лет трудно составить «завещание». Тем не менее привлекает несколько его мыслей, навеянных, видимо, частичными успехами нэпа, и имеющих принципиальное значение. Если абстрагироваться от увлечения Ленина очередной идеей (кооперацией, так же, как ранее электрификацией), то, во-первых, это мысль о необходимости «найти степень соединения частного интереса, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов», во-вторых, мысль о необходимости «признать коренную перемену всей точки зрения нашей (т.е. большевиков. — *Авт.*) на социализм», в-третьих, о перенесении центра тяжести «на мирную организационную «культурную» работу» вместо акцента «на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д.». Ленин готов перенести центр тяжести даже на чисто «культурническую» (т.е. без классового содержания) работу, если бы не международная обстановка. Как показали последующие события, их развитие пошло совсем по другому сценарию.

§ 3. Образование СССР

На исходе гражданской войны территория страны представляла собой, особенно на окраинах, конгломерат различных государственных и национально-государственных образований, статус которых определялся многими факторами: движением фронтов, состоянием дел на местах, силой местных сепаратистских и национальных движений. По мере того как Красная Армия занимала опорные пункты на различных территориях, возникала необходимость упорядочения национально-государственного устройства. О том, каким оно должно быть, среди большевистского руководства не было единого мнения еще со времен партийных дискуссий по национальному вопросу. Так, значительная часть большевиков вообще игнорировала идею национального самоопределения, целиком полагаясь на «пролетарский интернационализм» и выступая сторонниками унитарного государства; их лозунг — «Долой границы!», выдвинутый Г.Л. Пятаковым. Другие выступали сторонниками так называемого «самоопределения трудящихся» (Бухарин и др.). Более осторожную позицию занимал Ленин. Отвергая идею «культурно-национальной автономии», принятую в программах ряда социал-демократических партий Запада, он ставил вопрос о желательной для большевиков форме национального самоопределения в зависимости от конкретно-исторических условий и от того, как будет развиваться «революционная борьба пролетариата». В то же время поначалу симпатии Ленина были очевидными: он сторонник централистского государства и автономизации живущих в нем народов. Впрочем, осознавая сложность проблемы, Ленин настаивал на ее специальном анализе, который следовало бы поручить представителю национальных меньшинств. Как раз к месту пришелся «чудесный грузин». Закрепление в партии за И.В. Сталиным роли специалиста по национальному вопросу, видимо, было связано с тем, что его «разработки» весьма совпадали с мыслями самого Ленина. В труде «Марксизм и национальный вопрос» Сталин дал определение нации, которое во многом бытует и в настоящее время, и пришел к однозначному выводу о необходимости областной автономии в России для Польши, Финляндии, Украины, Литвы, Кавказа.

Возглавив после революции Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), Сталин в сущности мало изменил свою позицию. Он стоял за создание в составе России как можно более крупных независимых государственных объединений с учетом их национальной специфики, хотя образование таких конгломератов он рассматривал, как решение чисто временных задач, препятствующее росту националистических настроений.

Вместе с тем революция и практика национально-государственного строительства «снизу» в период 1917—1918 гг. показали, что значение национального вопроса для России большевиками было явно недооценено. Одним из первых это констатировал Ленин при анализе данных о выборах в Учредительное собрание. Целый ряд территорий, руководимых национальными правительствами, вообще отпал от России. На территориях, находящихся под большевистским контролем, утвердился принцип федеративного устройства, хотя в бурных событиях военного времени было не до решения национальных проблем. Тем не менее взаимоотношения «независимых» республик оформлялись путем специальных договоров и соглашений (в области военной, хозяйственной, дипломатической и др.). В период 1919—1921 гг. была подписана целая серия таких договоров, которые предусматривали совместные мероприятия по обороне, в сфере хозяйственной деятельности, дипломатии. Согласно договорам происходило частичное объединение органов управления, которое не предусматривало, однако, подчинение высших и центральных органов советских республик единому центру и единой политике. В условиях жесткой централизации, присущей периоду «военного коммунизма», постоянно возникали конфликты и трения между центральными и местными властями. Проблема заключалась еще и в том, что у самих коммунистов, особенно на местах, весьма заметными были националистические и сепаратистские настроения, и местные руководители постоянно стремились поднять статус своих национально-государственных

образований, которые окончательно не были установлены. Все эти противоречия, борьба объединительных и сепаратистских тенденций не могли не сказаться, когда большевики, перейдя к мирному строительству, взялись за определение национально-государственного устройства.

На территории, где к 1922 г. установилась власть Советов, этнический состав, несмотря на изменение границ, оставался очень пестрым. Здесь проживало 185 наций и народностей (по переписи населения 1926 г.). Правда, многие из них представляли либо «рассеянные» национальные общности, либо недостаточно определившиеся этнические образования, либо специфические ответвления других этносов. Для объединения этих народов в единое государство, бесспорно, существовали объективные предпосылки, имеющие глубокие исторические, экономические, политические и культурные основания. Образование СССР не было только навязанным сверху актом большевистского руководства. Это одновременно был процесс объединения, поддерживаемый «снизу».

С момента вхождения различных народов в Россию и присоединения к ней новых территорий, что бы ни говорили сегодня представители национальных движений, их объективно начинала связывать общность исторических судеб, происходили миграции, перемешивание населения, складывалась единая хозяйственная ткань страны, основанная на разделении труда между территориями, создавалась общая транспортная сеть, почтово-телеграфная служба, формировался общероссийский рынок, налаживались культурные, языковые и другие контакты. Были факторы и препятствующие объединению: русификаторская политика старого режима, ограничение и стеснение прав отдельных национальностей. Соотношение центростремительных и центробежных тенденций, которые сегодня с новой силой борются на территории бывшего СССР, определяется совокупностью многих обстоятельств: длительностью совместного «проживания» различных народов, наличием компактно заселенной территории, численностью наций, прочностью «сцепления» их связей, наличием и отсутствием в прошлом своей государственности, традициями, своеобразием уклада, национальным духом и т.д. В то же время вряд ли можно провести аналог между Россией и существовавшими в прошлом колониальными империями и называть первую вслед за большевиками «тюрьмой народов». Отличия, характерные для России, бросаются в глаза — это целостность территории, полиэтничный характер ее заселения, мирная по преимуществу народная колонизация, отсутствие геноцида, историческое родство и сходство судьбы отдельных народов. Образование СССР имело и свою политическую подоплеку — необходимость совместного выживания созданных политических режимов перед лицом враждебного внешнего окружения.

Для выработки наиболее рациональных форм национально-государственного строительства была создана специальная комиссия ВЦИК, у которой с самого начала наметились расхождения с Наркомнацем. Сталин и его сторонники (Дзержинский, Орджоникидзе и др.) большей частью из числа так называемых «русопетов», т.е. лиц нерусской национальности, утративших связь со своей национальной средой, но выступавших защитниками интересов России, выдвинули идею автономизации советских республик. Случаи, когда именно такие группы провозглашают себя носителями великодержавия, представляют любопытный психологический феномен человеческой истории.

Уже на X съезде РКП(б), который знаменовал переход к нэпу, Сталин, выступая с основным докладом по национальному вопросу, утверждал, что Российская Федерация является реальным воплощением искомой формы государственного союза республик. Надо добавить, что именно Наркомнац в 1919—1921 гг. занимался строительством большинства автономий в составе РСФСР, определением их границ и статуса, зачастую путем администрирования по следам поспешности и непродуманности. (1918 г. — Немцев Поволжья трудовая коммуна; 1919 г. — Башкирская АССР; 1920 г. — Татарская АССР, Карельская трудовая коммуна, Чувашская АО, Киргизская (Казахская) АССР, Вотская

(Удмуртская) АО, Марийская и Калмыцкая АО, Дагестанская и Горская АССР (на ее основе позднее был создан еще ряд автономий); 1921 г. — Коми (Зырян) АО, Кабардинская АО, Крымская АССР.)

Выступление Сталина на съезде вызвало бурную реакцию. Член Туркестанской комиссии ВЦИК Г.И. Сафаров обвинил партию в невнимании к национальному вопросу, в результате чего большевики, по его мнению, наделали массу непростительных ошибок в Средней Азии. Критика была справедливой, ибо, действительно, левацкие загибы большевиков в Туркестане принесли местному населению немало бед, о чем свидетельствовал рост повстанческого (басмаческого) движения.

Представитель Украины В.П. Затонский, критикуя тезисы сталинского доклада, заявил: «Эти тезисы как будто писались вне времени и пространства. В общем и целом их можно было написать и до Октябрьской революции, и в 1918, и в 1919 г. ...Отбояриваться от вопроса голым провозглашением права наций на самоопределение — нельзя. Фактически мы видим, что национальное движение после революции и при советской власти отнюдь не ликвидировано. Национальное движение, пожалуй, было пробуждено революцией. Это мы проглядели».

Решение съезда по национальному вопросу было составлено с учетом высказанных мнений. Оно подчеркивало целесообразность и гибкость существования различных видов федераций: основанных на договорных отношениях, на автономии и промежуточных ступенях между ними. Однако Сталин и его сторонники вовсе не склонны были брать во внимание критику своей позиции. Это отчетливо проявилось в процессе национально-государственного строительства в Закавказье.

Закавказье представляло собой сложный комплекс национальных отношений и противоречий, сохранившихся с давних времен. Этот регион требовал особенно тонкого и взвешенного подхода. Период существования здесь в предшествующие годы местных национальных правительств, сметенных Красной Армией и местными большевиками, тоже оставил определенный след в сознании населения. Грузия, например, в период своего независимого существования в 1918—1921 гг. наладила довольно широкие связи с внешним миром. Экономика ее имела довольно своеобразные черты: слабая промышленность, но очень заметная роль мелкого производства и мелких торговцев. Сильным было влияние местной интеллигенции. Поэтому некоторые большевистские лидеры, и прежде всего Ленин, считали, что в отношении Грузии нужна особая тактика, не исключая, в частности, приемлемого компромисса с правительством Ноя Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, которые не относились абсолютно враждебно к установлению советского строя в Грузии.

Тем временем национально-государственное строительство в регионе завершилось созданием Закавказской Федерации (ЗСФСР), однако интересы населения отдельных республик и национальных территорий были попораны. По договору 1922 г. республики передавали свои права союзной закавказской конференции и ее исполнительному органу — Союзному совету в области внешней политики, военных дел, финансов, транспорта, связи и РКИ. В остальном республиканские исполнительные органы сохраняли самостоятельность. Таким образом выработывалась модель объединения, которой вскоре предстояло пройти испытание на прочность в связи с решением вопроса об отношениях Закавказской Федерации и РСФСР.

В августе 1922 г. для реализации идеи объединения советских республик в центре была образована специальная комиссия под председательством В.В. Куйбышева, но наиболее активная роль в ней принадлежала Сталину. По составленному им проекту предусматривалось вхождение всех республик в РСФСР на правах автономных. Разосланный на места проект вызвал бурю возражений, но в самой комиссии он получил одобрение.

Дальнейшие события характеризуются вмешательством Ленина. Это была, пожалуй, последняя активная попытка партийного вождя, под влиянием болезни

постепенно отходившего от руководства, повлиять на течение государственных дел. Позиция Ленина по поводу объединения была неясной, недостаточно определенной, но очевидно, что он был противником сталинского проекта. «Исправить положение» он поручил своему заместителю Л.Б. Каменеву, который, однако, не имел твердых убеждений по национальному вопросу. Составленный им проект учитывал пожелания Ленина и, отвергая идею автономизации, предусматривал договорный способ государственного объединения республик: В таком виде он был поддержан партийным пленумом.

История конфликта между тем получила свое продолжение. В октябре 1922 г. партийные руководители Грузии заявили о своей отставке как несогласные с условиями вхождения в единое государство через Закавказскую Федерацию, считая ее нежизненной (что, впрочем, впоследствии и подтвердилось) и настаивая на отдельном оформлении договора с Грузией. Руководитель Заккрайкома Орджоникидзе пришел в ярость, грозил грузинским лидерам всяческими карами, обозвал их шовинистической гнилью, заявив, что вообще ему надоело нянчиться со стариками с седой бородой. Мало того, когда один из работников ЦК Компартии Грузии назвал его сталинским ишаком, Орджоникидзе обрушил кулак на его физиономию. История получила широкую огласку и известна в литературе как «грузинский инцидент». Она в какой-то мере характеризует нравы, царящие в то время в партийном руководстве. Комиссия, созданная для разбора «инцидента» под председательством Дзержинского, оправдала действия Заккрайкома и осудила грузинский ЦК.

30 декабря 1922 г. на съезде Советов, где были представлены делегации РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР, было провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Союз строился на модели, выработанной в Закавказье. Были приняты соответствующие Декларации и Договор. В Декларации указывались причины и принципы объединения. В Договоре определялись взаимоотношения между республиками, образующими союзное государство. Формально оно учреждалось как федерация суверенных советских республик с сохранением права свободного выхода и открытым доступом в нее. Однако механизм «свободного выхода» не предусматривался. В компетенцию Союза передавались вопросы внешней политики, внешней торговли, финансов, обороны, путей сообщения, связи. Остальное считалось в ведении союзных республик. Высшим органом страны объявлялся Всесоюзный съезд Советов, в перерывах между его созывами — ЦИК СССР, состоявший из двух палат: Союзного Совета и Совета Национальностей.

Во всей истории с образованием СССР нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что большую роль во всех мероприятиях играют партийные функционеры, их прихоти и капризы. Свои действия они воплощали в практику с помощью интриг и закулисных маневров. Роль представительных органов сводилась к одобрению выработанных не ими, а партийными органами решений. Долгое время считалось, что с вмешательством Ленина удалось добиться устранения из большевистской практики неверных, с точки зрения решения национального вопроса, установок, выправления сталинской линии.

В день, когда состоялось образование союзного государства, вышла работа Ленина «По вопросу о национальностях и автономизации». В ней сквозит недовольство Ленина всей историей, связанной с образованием СССР, несвоевременной затеей Сталина, которая, по его мнению, «завела все дело в болото». Однако старания Ленина, его попытки «разобраться» с проявлениями великорусского шовинизма, наказать виновников «грузинского инцидента» особых последствий не имели. Поток событий в партии устремился в другую сторону и проходил без участия Ленина. Уже разворачивалась борьба за его наследство, в которой все больше проявлялась фигура Сталина. Можно сказать, что, показав себя сторонником централистского государства, крутых и грубых административных решений в национальном вопросе, Сталин мало изменил свое

отношение к национальной политике, постоянно подчеркивая опасность националистических проявлений и необходимость их беспощадного подавления.

II Всесоюзный съезд Советов, состоявшийся в январе 1924 г., в траурные дни, связанные со смертью Ленина, принял союзную Конституцию, в основе которой лежали Декларация и Договор, а в остальном ее положения зиждились на принципах Конституции РСФСР 1918 г., отражавших ситуацию острого социального противоборства. В 1924—1925 гг. были приняты конституции союзных республик, в основном повторяющие положения общесоюзной.

Одним из первых мероприятий, проведенных в рамках Союза, было «национально-государственное размежевание Средней Азии». На территории региона до 1924 г. располагались, кроме Туркестанской АССР, образованной еще в 1918 г., две «народные» советские республики — Бухарская и Хорезмская, созданные после свержения большевиками с престола бухарского эмира и хивинского хана. Существующие границы явно не соответствовали расселению этнических общностей, чрезвычайно пестрому и неоднородному. Не совсем ясен был вопрос и о национальной самоидентификации народов, и о формах их самоопределения. В результате длительных обсуждений национальных вопросов на местных съездах и курултаях и перекройки границ образовались Узбекская и Туркменская союзные республики. В составе Узбекской ССР была выделена автономия таджиков (впоследствии получившая статус союзной республики), а в ней — Горно-Бадахшанская АО. Часть территории Средней Азии была передана Казахской АССР (также впоследствии ставшей союзной республикой). Туркестанские и хорезмские каракалпаки образовали свою АО, вошедшую в состав Казахской АССР, а в последующем перешедшей в Узбекскую ССР на правах автономной республики. Киргизы образовали свою автономную республику, вошедшую в состав РСФСР (позднее она тоже была преобразована в союзную республику). В общем и целом национально-государственное размежевание Средней Азии позволило обрести региону на некоторое время стабильность и устойчивость, однако крайняя чересполосица этнического расселения не позволяла разрешить вопрос в идеальном варианте, что создавало и создает вплоть до настоящего времени источник напряженности и конфликтов в данном регионе.

Возникновение новых республик, автономных областей шло и в других районах страны. В 1922 г. в составе РСФСР были образованы Карачаево-Черкесская АО, Бурят-Монгольская АО (с 1923 г. — АССР), Кабардино-Балкарская АО, Черкесская (Адыгейская) АО, Чеченская АО. В составе ЗСФСР на территории Грузии были созданы Аджарская автономия (1921 г.) и Юго-Осетинская АО (1922 г.). Отношения Грузии и Абхазии, двух территорий с застарелым национальным конфликтом, были оформлены в 1924 г. внутренним союзным договором. В составе Азербайджана в 1921 г. была образована Нахичеванская АССР, в 1923 г. — Нагорно-Карабахская АО, населенная преимущественно армянами. На территории Украины на левобережье Днестра в 1924 г. возникла Молдавская АССР. Столь подробное перечисление национальных образований в СССР связано с тем, что сегодня, в период распада союзного государства, многие из них являются зонами и потенциальными очагами межнациональных конфликтов.

Обретение народами бывшей Российской империи своей государственности имело двоякие последствия. С одной стороны, оно пробуждало национальное самосознание, способствовало становлению и развитию национальных культур, позитивным сдвигам в структуре коренного населения. Постоянно повышался статус этих образований, удовлетворяющий росту национальных амбиций. С другой стороны, этот процесс требовал адекватной тонкой и мудрой политики центрального союзного руководства, соответствующей национальному возрождению. В ином случае загоняемые до поры до времени внутрь национальные чувства и их игнорирование таили в себе потенциальную опасность взрыва национализма при неблагоприятном раскладе событий. Правда, в то время руководство мало задумывалось об этом, щедрой рукой нарезая территории

отдельным государственным образованиям, даже если коренные жители и не составляли на них большинства населения, или легко передавая их «из рук в руки», от одной республики к другой, — еще один потенциальный источник напряженности,

В 1920-е гг. в рамках национально-государственных образований проводилась так называемая политика коренизации, которая заключалась в привлечении национальных кадров к государственному управлению. Многие из созданных национальных учреждений не имели ни своего рабочего класса, ни сколько-нибудь значительной интеллигенции. Здесь центральное руководство вынуждено было нарушать принципы «диктатуры пролетариата» в пользу национального равноправия, привлекая к руководству весьма разношерстные элементы. Эта сторона коренизации положила начало образованию местных элит с присущей им национальной спецификой. Впрочем, центр прилагал немало усилий, чтобы держать этих местных руководителей «в узде», не допуская излишней самостоятельности и беспощадно расправляясь с «национал-уклонистами». Другой аспект коренизации — культурный. Он заключался в определении статуса национальных языков, создании письменности для тех народов, которые ее не имели, строительстве национальных школ, создании собственных литератур, искусства и т.д. Надо отдать должное: государство уделяло очень много внимания помощи отсталым в прошлом народам, выравниванию уровней экономического, социального и культурного развития отдельных наций.

К вопросам национально-государственного строительства тесно примыкает реформирование административно-государственного устройства страны. На необходимость его указывалось еще в период революции. Но только окончание гражданской войны позволило перейти к непосредственному решению этой задачи, которая состояла в том, чтобы от чисто административного перейти к административно-хозяйственному делению государства в соответствии с исторически сложившимися экономическими районами. Работа велась под руководством ВЦИК и Госплана. Переход к нэпу потребовал внести в эту работу необходимый элемент децентрализации, передачи части управленческих функций на места. Национально-государственное строительство и образование СССР внесли коррективы в проект административно-территориальных преобразований. Фактически реформирование началось с 1923 г. путем создания в порядке эксперимента на территории РСФСР Уральской области и в 1924 г. Северо-Кавказского края. Во второй половине 1920-х гг. были образованы еще 6 краев (административные единицы, имеющие внешнюю границу или включающие в себя автономии): Сибирский (1925), Дальневосточный (1926), Средне-Волжский (1928), Нижне-Волжский (1928), Северный (1929), Нижегородский (1929) и 5 областей, не считая национальных образований, к ним приравненных: Ленинградская (1927), Центрально-Черноземная (1928), Московская (1929), Ивановская Промышленная (1929) и Западная (1929). Было упразднено прежнее деление на губернии, уезды и волости. Края и области делились на округа (вскоре ликвидированные), округа — на районы, районы — на сельсоветы. В конце 1920-х г. были выделены отдельно национальные округа (всего 10) и районы.

§ 4. Политическая борьба в 1920-е годы и «сумерки» нэпа

Поскольку большевистская партия в 1920-е гг. превратилась в особый общественный институт, встроенный в государственный организм, очень многое в развитии советского общества зависело от борьбы в высших эшелонах партийно-государственного руководства и состояния самой партии. Поначалу борьба разворачивалась вокруг «ленинского наследия» и за лидерство в политической и идеологической области. Эта борьба началась еще до смерти Ленина, который, находясь в подмосковных Горках, больной и отстраненный от дел, фактически не имел возможности принимать участия в дискуссиях.

Если Ленина отличали исключительная цельность натуры и всепоглощающая страсть в борьбе за власть, за «диктатуру пролетариата», ради которой он был готов идти на любые жертвы и компромиссы, то его теоретическое наследие, зачастую как раз именно по этой причине, оказалось весьма противоречивым. Всякий мало-мальски способный мыслить коммунист мог черпать из этого наследия подтверждение своих собственных взглядов, что стало весьма распространенным явлением в постоянной «войне цитат» — неотъемлемом спутнике идейной жизни советского общества. Так, защитники внутрипартийной демократии с равным успехом ссылались на Ленина, как и их оппоненты; твердолобые сторонники крутых и решительных мер тоже опирались на Ленина, как и те, кто призывал к осторожности и умеренности, к поиску компромиссов; к Ленину апеллировали как апологеты мировой социалистической революции, так и теоретики «построения социализма в одной, отдельно взятой стране».

В ленинском творческом наследии отчетливо прослеживается несколько «связанных узлов», заметно отличающихся друг от друга. Это, во-первых, его труды, посвященные стратегии и тактике большевиков в революционном движении, имеющие к советской истории опосредованное отношение. Во-вторых, это работы периода «бури и натиска», в которых содержатся общие, нередко утопические, смутные и неопределенные очертания будущего общественного устройства, отражавшие напряженные и лихорадочные усилия большевиков для завоевания власти и ее удержания в условиях острейших социальных и политических столкновений. От той части ленинского наследия берет начало «левый уклон» в ВКП(б) и международном коммунистическом движении, руководимом большевиками. Впрочем, термин «левый» в партийном лексиконе всегда заключался в кавычки, т.е. подразумевалось, что за ним стоит нечто иное, отличное от «генеральной линии» партии, якобы олицетворявшей истинное левое крыло в мировом революционном движении. Наконец, это последние работы Ленина, где, как уже отмечалось, содержится попытка осмыслить опыт, пережитый Россией за несколько лет после революции. Это попытка не образует сколько-нибудь завершенной и стройной концепции. Ленин размышляет о том, какими путями идти к социализму в крестьянской по преимуществу стране, способах «приобщения» крестьянства к социалистическому строительству, выражает тревогу по поводу неправильной организации управления в Советской республике, недовольство тем, как решаются вопросы национально-государственного устройства страны, озабочен растущей бюрократизацией партийно-советских учреждений, выражает сомнения по поводу личных качеств своих ближайших соратников и обеспокоенность в связи с этим судьбой партийного руководства. Мысли Ленина этого времени отрывочны и хаотичны, тем не менее многие из них легли в основу так называемого «правого уклона» в партии и Коминтерне.

Большая часть литературы, посвященной истории 1920-х гг., рассматривает ее исключительно в контексте персональной борьбы за власть. Это — одномерный взгляд. Политическая борьба «наверху» определялась суммой многих обстоятельств, складывавшихся по внутренней и международной жизни от самых низших ее пластов до высших эшелонов руководства. При Ленине оно было более или менее единым, вернее то, что его объединяло, играло более весомую роль, чем расхождения во взглядах. Однако по мере укрепления Советской власти последние стали приобретать все более существенное значение. Если все коммунистические вожди были согласны с тем, что строительство нового общества требует проведения индустриализации, кооперирования, культурной революции, то различия во взглядах касались таких вопросов, как можно или нельзя построить социализм в одной стране, если нельзя, то каким образом удерживать подступы к мировой революции, можно или нет осуществлять «экспорт» революции в другие страны, и если возможно, то какими путями и способами. Сильно расходились точки зрения и по вопросу о темпах и методах строительства социализма, об отношении к отдельным классам и слоям советского общества. Таким образом, дискуссии в ВКП(б) представляли собой причудливое смешение разных и весьма противоречивых идей, одни

из которых, едва родившись, отправились «на свалку истории», другие получили жизнь и конкретное воплощение в советской действительности, правда, в сильно отличном от задуманного варианте.

Сущность дискуссий 1920-х гг. проще понять в связи с процессом бюрократизации советского общества и образования его нового правящего слоя — номенклатуры. Предпосылкой этого процесса было превращение РКП(б) в особый политический институт по руководству государством, что, как можно убедиться из ранее сказанного, произошло в предшествующие годы. Однако сложилось противоречие между бюрократическим устройством Советского государства и сохраняющимися элементами внутрипартийной демократии, которое требовалось устранить. Для ограничения последней существовало гораздо больше причин, чем для ее расширения. Проводником номенклатуры стал партийный аппарат, позиции которого усиливались по мере роста партии и ее влияния на управление страной. Все более заметной становилась роль Секретариата и Оргбюро ЦК РКП(б).

Сам по себе термин «номенклатура» обозначал перечень, а в данном контексте — список наиболее важных постов и должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматривались и утверждались партийными комитетами. Освобождение с поста также производилось с согласия партийного комитета. Одновременно термин «номенклатура» распространялся на людей, которые данные посты занимали и тем самым превращались в особую социальную группу со своими интересами, образом жизни, идеологией и т.д. В предшествующей истории образования подобных групп в социальной структуре общества не наблюдалось.

Номенклатура явилась «становым хребтом» партийно-советской государственности. Процесс создания номенклатуры был следующим. Еще в годы гражданской войны (в 1919г.) был образован Учраспред — специальный отдел ЦК, который в условиях острой нехватки кадров, способных проводить политику руководства и пригодных к тому или иному виду деятельности, занимался мобилизацией, постановкой на учет и переброской на «горячие» участки соответствующих кадров коммунистов. В результате в партийном аппарате сложился механизм назначений и перемещений в противовес принципу выборности кадров. Этот механизм все шире использовался как инструмент проведения партийной политики, особенно с того момента, когда партийный аппарат в качестве его генерального секретаря возглавил И.В. Сталин. Тем самым Сталин сосредоточил в своих руках, по выражению Ленина, «необъятную власть».

Сталин в то время не принадлежал к числу самых известных большевистских лидеров; вождем революции и гражданской войны его провозгласила позднейшая традиция. Троцкий называл Сталина «выдающейся посредственностью», что в общем-то верно, если сделать упор на слове «выдающаяся». По сравнению с другими большевистскими лидерами Сталин нигде ярко не проявил себя, хотя с 1912 г. входил в ЦК, а с 1919 г. — в Политбюро, занимал посты Наркома национальностей, Госконтроля, а позднее — РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции). В раскладе политической борьбы Сталин чаще всего лавировал, выжидал, чья точка зрения будет решающей, кто окажется победителем. Везде, где бы он ни находился, Сталин как авторитарная личность тяготел к администрированию, к чисткам, к закулисным маневрам и интригам. Он, в отличие от многих других вождей, не чурался секретарской работы и ради нее был готов пожертвовать другими должностями и, безусловно, оказался в струе в связи с бюрократизацией партийного и советского аппарата. Однако было бы ошибкой думать, что руками Сталина в борьбе за власть был создан этот аппарат. Тут снова уместно сослаться на Троцкого, который считал, что не Сталин создал аппарат, а скорее аппарат создал Сталина.

Возглавив партийный аппарат, Сталин выступил в роли теоретика и создателя номенклатуры. На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Сталин говорил о необходимости введения коммунистов во все отрасли управления и весь промышленный комсостав, при

помощи которого партия сможет держать в руках аппарат и осуществлять свое руководство. Одновременно им в своем типичном стиле выдвигались и требования к кадрам, занимающим руководящие посты, — это должны быть люди, умеющие осуществить директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие претворить их в жизнь.

Датой рождения номенклатуры можно считать возникшее в недрах партаппарата постановление ЦК РКП(б) от 8 ноября 1923 г., в котором определялись задачи подбора, расстановки кадров на ответственные посты. Постановлением ЦК утверждались различные номенклатурные списки. В номенклатуру № 1 входило около 3500 наиболее важных постов, причем для утверждения 1590 из них (СНК, ЦИК СССР, ВЦИК, членов президиумов и коллегий наркоматов, руководства ВЦСПС и кооперативных органов) должны были создаваться специальные комиссии ЦК. Сюда включались начальники главков ВСНХ, руководители трестов, синдикатов, крупных промышленных предприятий. В номенклатуру № 2 входили, как правило, заместители начальников главков, управлений и другие должности. Номенклатура № 3 касалась руководящих кадров на местах. Общая потребность в руководящих кадрах, определенная аппаратом ЦК на начало 1924 г., — 13 163 человека.

Для каждого уровня партийного руководства устанавливалась своя номенклатура. Так, Уралобком определил свою потребность в руководящих кадрах в 1066 человек. На уездном (районном), волостном уровне существовали свои номенклатуры, причем наиболее важные посты на периферии считались прерогативой ЦК. Более того, местные руководители всячески стремились к своему утверждению в центре, чтобы не зависеть от обстановки на местах и обеспечивать себе на этом уровне относительную самостоятельность действий. В таком виде институт номенклатуры становился дополнительным инструментом централизации и бюрократизации управления. С самого начала к выдвижению на номенклатурные должности были подключены органы ОГПУ с целью выявления лояльности кандидатов и их приверженности партийной линии.

На протяжении 1920-х гг. наблюдались две тенденции: во-первых, расширение списков номенклатурных должностей, во-вторых, расширение номенклатуры ЦК. Все это привело к тому, что в конце 1928 г. было постановлено пересматривать номенклатурные списки каждые три месяца.

Кадры для номенклатуры и «резерва» черпались в основном за счет выдвиженчества. Поначалу безусловный приоритет отдавался большевикам с дореволюционным стажем, однако таких в рядах РКП(б) было крайне мало (не более 10 тыс.). Основной контингент коммунистов составляли рабочие, крестьяне и служащие, пришедшие в партию в годы гражданской войны. Именно они претендовали в большинстве случаев на «должность» и заполняли приемную Учраспреда, преобразованного позднее в Орграспред ЦК. Постепенно именно им стало отдаваться предпочтение в выдвижении на руководящую работу. Как говорил один из аппаратчиков, верный и последовательный сторонник Сталина Л.М. Каганович в начале 1927 г., «надо продвинуть партийца, который прошел огонь и воду гражданской войны..., вот основная задача».

В литературе часто утверждается, что в формировании номенклатуры критерии профессиональной пригодности и образования не играли никакой роли. Это не совсем так. Проблема заключалась в том, что сама партия обладала крайне незначительным числом подготовленных и образованных кадров, большинство же специалистов находилось вне ее. По данным партийных переписей того времени, более 90% коммунистов если и имели какое-то образование, то не выше начального. Естественно, что при выдвижении на какой-либо пост они стремились всячески восполнить недостаток образования, знаний и опыта демонстрацией верности партийному аппарату и готовности выполнять любые его указания. Сами критерии выдвижения формулировались, конечно же, не без их участия.

Тем не менее разительные противоречия между потребностями управления и уровнем подготовки выдвиженцев рано или поздно должны были всплыть на поверхность. Впрочем, уже в годы гражданской войны появились своего рода «рекламации» на деятельность комиссаров и уполномоченных, присылаемых Учраспредом, на их нелепые распоряжения и действия. Раньше и сильнее всего недовольство номенклатурными работниками проявлялось в тех ведомствах, где особенно требовались профессиональные знания (ВСНХ, Наркомфин, Наркомпрос и др.). Эта проблема особенно обострилась в связи с продвижением номенклатуры в среднее звено управления, где нужна была специальная подготовка к определенному виду деятельности, которая в верхних этажах зачастую компенсировалась административным рвением.

Во второй половине 1920-х гг. были предприняты меры по ускорению профессиональной подготовки и переподготовки номенклатурных работников. Для этого была мобилизована вся система партийной учебы, рабфаки, краткосрочные курсы. Партийные студенты ставились на учет и подлежали особому распределению на работу по партийной линии. Таким образом складывался механизм развития и воспроизводства номенклатуры, который обрел окончательную форму в более позднее время.

Способы работы с номенклатурой были чисто аппаратными, бюрократическими и сводились по преимуществу к заполнению всевозможных анкет и их проверке. Поскольку такая деятельность противоречила нормам внутрипартийной демократии, ее необходимо было скрыть от глаз рядовых коммунистов, «засекретить». Процесс выработки решений в партийных органах становится тайным, чисто бюрократическим, складывающимся не в ходе дискуссий и обмена мнениями, а путем аппаратной организации. Вопрос должен был «созреть» в недрах аппарата, а затем решен в спешном и оперативном порядке.

Номенклатура в сущности представляла собой верхний слой партийно-советской бюрократии с тенденцией превращения в связанную как бы круговой порукой замкнутую касту, существование которой было скрыто от глаз рядовых коммунистов и остального общества. Вошедшие в номенклатуру коммунисты переходили с должности на должность, тасовались, подобно колоде карт. Работники, которые «проштрафались», обнаруживали некомпетентность, профессиональную непригодность и т.д., передвигались на другие менее значимые посты. Местом «ссылки» их в те годы становится профсоюзный аппарат, историко-революционные общества, издательства, библиотеки, архивы. В соответствии с должностью определялись преимущества и привилегии для номенклатурных работников. Для поддержания их материально-бытовых условий был установлен некий уровень в пределах партминимума и партмаксимума, который не рекомендовалось нарушать.

Партийные съезды, съезды Советов, профсоюзов и т.п. превращаются в массовые сборища номенклатуры, причем за каждым органом закрепляется своя роль. Главным становится партийный съезд, утверждающий основные установки и директивы, которые другие органы должны претворять в жизнь. Съезды Советов и сессии ЦИК были призваны законодательно подтверждать принятые решения, создавать им видимость народной поддержки. Номенклатура была не способна и не заинтересована в широком обсуждении вопроса, для нее важнее всего были четкие указания и директивы, согласно которым следовало действовать. Всякие дискуссии и рассуждения рассматривались как мешающие делу, пустая болтовня и треп. Разгром «навязанных» партии дискуссий тщательно готовился в недрах аппарата. С этой точки зрения и необходимо рассматривать политическую борьбу на съездах и конференциях 1920-х гг., которая была, по сути, столкновением старой большевистской политической элиты с нарождающимся «новым классом», состоявшим в то время в основном из людей, чей облик сформировался в годы революции и гражданской войны.

«Выпадение из обоймы», «игра не по правилам», принятым в номенклатуре, грозили слушникам серьезными карами, ставившими их в положение изгоев. Только безусловное покаяние в своих заблуждениях и ошибках, демонстрация верности

«генеральной линии партии», одобренной той же номенклатурой, оставляли возможность пребывания в рядах «посвященных».

Преобразование партии в государственную структуру и процесс ее бюрократизации органически требовали свертывания демократии. Первыми по этому поводу, как уже говорилось, забили тревогу представители «рабочей оппозиции» и «группа демократического централизма». Хотя на XI съезде РКП(б) в марте — апреле 1922 г. их взгляды были осуждены, антибюрократические настроения внутри партийной элиты продолжали нарастать. Их выразителем становится Троцкий. В литературе существует устойчивое мнение, что Троцкий как человек, ярко проявивший себя в годы революции и гражданской войны, с наступлением нэпа стусевался, потускнел и поблек, оказался непригодным к повседневной будничной хозяйственной работе, превратился в сварливого доктринера, высокомерного и деспотичного. Может быть, и так. Но дело заключается не в самой личности Троцкого, а в определенных настроениях внутри политической элиты, которые находили довольно внушительную поддержку. Троцкий еще в начале 1923 г. выступил против линии на совмещение функций партийной и советской, в частности хозяйственной работы. В октябре 1923 г. он обвинил ЦК в установлении «диктатуры аппарата» и был поддержан так называемой «платформой 46», в основном «старых большевиков», писавших в ЦК о «кризисе в партии» и разрыве между «верхушкой» и рядовыми членами. В начале зимы того же года Троцкий выдвинул программу «нового курса», провозглашавшего борьбу с бюрократизмом и развитие внутрипартийной демократии. Троцкий исходил из того, что партия, встраиваясь в государственный организм, заражается от него бюрократическим духом, однако положение было несколько иным: рост бюрократизма был следствием самой партийной политики и идеологии, поэтому процесс скорее был одновременным и обоюдным.

Центральная идея «нового курса» — проведение открытых партийных дискуссий, свобода обсуждения всеми членами РКП(б) острых и наболевших вопросов. Троцкий указывал, что «старая партийная гвардия» все более превращается в слой партийных бюрократов-перерожденцев, которые забывают язык революции и переходят на «партийный штиль», поэтому нужно перетряхнуть, обновить эти кадры. Новые члены партии должны говорить своим голосом, а не повторять, что скажут наверху. Пока в верхнем ярусе решают, а в нижнем узнают, в партийных рядах будет существовать источник бюрократизации и застоя. Троцкий выступил против выдвиженчества и формирования на его основе нового управленческого слоя. По его мнению, главным источником пополнения партийных рядов (примерно на две трети) должны быть партийные ячейки на предприятиях. Там, утверждал Троцкий, зреет недовольство: «думают за нас, решают за нас, не знают наших нужд». Второй источник роста партийных рядов, по мнению Троцкого, — учащаяся молодежь. В ней — будущее партии, а значит, и судьба страны. Молодежь острее реагирует на извращения партийной линии, обобщает их, делает выводы. Поэтому Троцкий называл ее «барометром партии». Барометр не делает погоду, он только измеряет перепады атмосферного давления, отмечает все плюсы и минусы. Напрасно, указывал он, ретивые аппаратчики фыркают на молодежь, наивно полагая, что именно они являются воплощением всей суммы знаний и опыта. Чем больше аппаратных методов работы, тем больше власть сосредоточивается в руках одного секретаря, командующего и дергающего кадры. Если руководство хозяйством — сегодня главный фронт, писал Троцкий, то важно учитывать мнение каждого на всех участках, и на этой основе делать политику.

Выступая в качестве выразителей «настроений рабочей массы», Троцкий и оппозиция были сторонниками усиления «социалистического» сектора экономики и директивного планирования. Основная атака оппозиционеров велась против большинства в Политбюро ЦК, где всеми делами заправляла «внеуставная тройка», названная в западной историографии «триумвиратом» (Сталин, Каменев и Зиновьев). Союз этих трех лидеров не был случайным. Сталин защищал интересы партийного аппарата, Каменев —

государственного, роль Зиновьева сводилась к идеологическому прикрытию действий «тройки». В этой обстановке началась борьба против «троцкизма». Масла в огонь подлил сам Троцкий. В работе «Уроки Октября» он попытался по-новому осмыслить происшедшие после революции события, подчеркнул свою роль в революции и прозрачно намекнул на политические ошибки своих оппонентов. Во взглядах Троцкого усилились элементы революционной фразеологии, упор на «штурм, на необходимость идти вперед путем прорывов, вопреки законам истории».

В состоявшейся дискуссии Троцкому были предъявлены обвинения в стремлении стать диктатором, в натравливании одной части партии на другую, в «гипериндустриализме», в недооценке революционных возможностей крестьянства, в фракционности. При этом был использован и обнародован Седьмой пункт резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», запрещавший фракционную деятельность под угрозой наложения всех мер партийных взысканий вплоть до исключения. С тех пор данный пункт стал широко применяться для борьбы с оппозиционными течениями в партии.

XIII конференция РКП(б) в начале 1924 г. ознаменовалась разгромом «троцкизма». Сторонники Троцкого были смещены со своих постов и направлены на периферию. Вместе с тем, учитывая антибюрократические настроения в партии, аппарат включил в лозунги политических кампаний «развитие рабочей демократии», «совершенствование внутрипартийной демократии» и т.п. Одним из примеров проведения такой кампании стал «ленинский призыв в партию», существенно изменивший ее состав, но мало повлиявший на ее роль общественно-политического института. После смерти Ленина в РКП(б) в течение года было выдвинуто более 200 тыс. новых кандидатов, главным образом «рабочих от станка». Однако этот процесс не привел к расширению внутрипартийной демократии за счет «низов». Попытки противопоставить новых членов партии партийному аппарату были решительно пресечены сверху. «Ленинский» и последующие призывы «рабочих от станка» и «крестьян от сохи» в партию превратились в массированные кампании, осуществляемые формально-бюрократическими методами, в ходе которых иной раз в партию принимались целые бригады, цеха или заводы. Эти мероприятия вели к стремительному расширению рядов ВКП(б), служившей всего лишь своеобразным резервуаром для последующего выдвижения и расширения номенклатурного слоя, растворению политической элиты в аморфной и безликой, политически малоактивной и малокомпетентной массе.

Борьба с «троцкизмом» привела к устранению Троцкого с важных постов председателя РВС и Наркомвоенмора и некоторой корректировке курса в отношении деревни и крестьянства в области как экономической, так и политической. Главным теоретиком проводимых мер выступил Н.И. Бухарин. Безусловно, он был сыном своего времени, представителем чисто большевистского менталитета, человеком городской культуры. Однако до сих пор остается загадкой его трансформация из главного идеолога «военного коммунизма» в решительного и наиболее последовательного сторонника нэпа, так сказать библейское «обращение Савла в Павла». Возможно, это связано с некоторыми личными особенностями Бухарина, его импульсивностью, неустойчивостью характера, склонностью к крайностям, которые превращали его то в архиреволюционера, то в главного оппортуниста, не выходящего, впрочем, за пределы ортодоксального марксизма.

С именем Бухарина в какой-то мере связано творческое развитие социалистической теории применительно к изменившимся после 1917 г. историческим условиям. В середине 1920-х гг. Бухарин призвал руководство страны, не взирая ни на что, ни на какие трудности, твердо стоять на позициях экономических методов управления народным хозяйством, «смычки» между городом и деревней. В разработке своей экономической теории Бухарин больше всех ратовал за союз с наукой, и не случайно среди его сторонников оказалось большинство ученых-экономистов, идеи которых использовались для практического претворения в жизнь бухаринского курса. Экономическая программа

Бухарина не исключала индустриализации как условия построения социализма, в чем его нередко обвиняли оппоненты. Необходимо признать, что Бухарин одним из первых заявил о возможности построения социализма в одной стране, но его видение этого процесса стояло гораздо ближе к идее мировой революции, чем позднейшие интерпретации советского социализма. Основы социализма в СССР создать можно, утверждал он, но затратить на это придется десятилетия. Социализм этот, видимо, будет отсталым и азиатским, но, по смыслу бухаринских рассуждений, — «овчинка стоит выделки». Условием и регулятором построения социализма является использование закона стоимости (по Бухарину, «ценности»), развитие рынка, товарно-денежных отношений, кооперации. На обвинения в том, что это приведет к росту капиталистических элементов и, в частности, кулака в деревне, Бухарин выдвинул положение о «неизбежном вращении кулака в социализм». Бухарин настаивал на здоровой конкуренции между различными секторами экономики при регулирующей роли государства, на необходимости сотрудничества различных классов. Отсюда — проповедь классового мира, теория затухания классовой борьбы по мере приближения к социализму.

«Время, когда дают по зубам, прошло», — утверждал он. «Не смей командовать», — так называлась одна из его статей, посвященная отношению к крестьянству. Будучи ранее ярким поборником чистоты «пролетарской диктатуры», теперь в своих работах он чаще употребляет термины: «рабоче-крестьянская власть», «рабоче-крестьянский союз». Он же вместе с М.И. Калининым явился инициатором кампании середины 1920-х гг. по оживлению деятельности сельских Советов. Они должны были стать своеобразными «маленькими парламентами», в которых «перевариваются крестьяне», изживается их индивидуалистическая психология. Бухарин выступает сторонником методов убеждения, воспитания, действий в рамках провозглашенной Конституции. Ближе всех большевистских руководителей Бухарин подошел к пониманию природы партийно-советского бюрократизма и причин роста «бюрократического Левиафана».

До поры до времени большинство Политбюро разделяло положения бухаринской программы и следовало обозначенным им курсом. Об этом свидетельствуют решения XIV конференции ВКП(б) в апреле 1925 г. Однако постепенно внутри правящей элиты назревал новый раскол, порожденный трудностями и противоречиями нэпа, процессами, происходившими в мире и международном социалистическом движении, особенно очевидно обозначившимися во второй половине 1920-х гг.

В рамках нэпа Советской власти удалось добиться отдельных успехов. Установилось своеобразное равновесие в пределах тех ресурсов и возможностей, которыми на тот момент располагала страна. Но на более широком историческом фоне это восстановление означало достижение довоенного уровня, но, как уже говорилось, и в 1913 г. Россия не принадлежала к числу передовых экономически развитых государств. Естественно, что по прошествии более чем 10 лет отставание даже усугубилось. Отрыв стал более заметным, особенно по сравнению с США (постоянный ориентир для СССР), которые от войны не только не понесли существенного ущерба, но даже сумели вырваться вперед. К тому же основные фонды российской промышленности были изношены, оборудование устарело. Культурно-технический уровень рабочих был ниже, чем до войны. Его и без того незначительные квалифицированные кадры растеряны. Число специалистов на производстве уменьшилось. Страна стала еще более аграрной, чем была, ее индустриальное развитие напрямую зависело от состояния сельского хозяйства. По мере восстановления возвращались старые проблемы экономики дореволюционной России, ее структурные диспропорции и противоречия, причем иногда даже в более обостренной форме. Например, гораздо острее стоял вопрос о внутренних накоплениях, экспорте и импорте продукции.

В условиях нэпа политическое руководство не сумело решить целого ряда проблем. Экономические методы управления народным хозяйством не были полностью внедрены в государственный механизм, не были доведены до первичных звеньев —

производственных коллективов и отдельных хозяйственных субъектов. Образовался странный симбиоз экономических и командно-административных способов управления. Вся экономика испытывала пресс партийно-государственного регулирования. Административные пути сковывали трестовский хозрасчет, синдикатскую систему, развитие товарно-денежных отношений, кооперации.

Громадным балластом была бюрократия. Несмотря на все антибюрократические заклинания, число служащих в учреждениях стремительно росло и увеличилось на протяжении 1920-х г. более чем в 3 раза. Основную массу составляли малообразованные выдвиженцы. Попадая в бюрократическую систему управления, эти люди быстро усваивали свойственные всякой бюрократии черты: бумагопроизводство, иерархию и субординацию, карьеризм. Не удалось избежать роста таких явлений, как взяточничество, произвол, злоупотребления, распущенность, пьянство и т.д. Огромный поток писем и жалоб снизу содержал многочисленные факты подобного рода. Наряду с этим в обществе усиливались эгалитарно-социалистические настроения и недовольство нэпом.

Одновременно стали ясны некоторые итоги кампании по «оживлению Советов» и выборов 1925/26 г. Ставка на привлечение беспартийных крестьян в низовые звенья советской организации привела к тому, что в них заметно возросло число средних и зажиточных элементов, более грамотных, авторитетных и способных к практическим делам.

Завершение восстановительного процесса поставило на повестку дня вопрос о том, куда и как двигаться дальше. Вместе с тем восстановление означало и исчерпание тех ресурсов и возможностей, которые были унаследованы от старой России. Первым шагом в направлении индустриализации были контрольные цифры на 1925/26 хозяйственный год. На 50% был запланирован рост объемов промышленного производства. Осуществить его предполагалось путем расширения экспортно-импортных операций (продажи хлебопродуктов и сырья за границу и приобретения оборудования). Однако установленные планы хлебозаготовок как в текущем, так и в следующем году были провалены. Дело в том, что ни промышленность, ни сельское хозяйство не создали для себя рынков расширенного производства. Деревня, «осереднячившись» в результате проводимой политики, приобрела полунатуральный характер и не удовлетворяла потребностей промышленности и города в товарной сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, нужды индустриализации требовали иной ориентации производства, чем деревенский спрос. Товарный обмен между городом и деревней оказался нарушенным. Первому нечего было дать за товарные излишки крестьяне стали оставлять их в своем хозяйстве. Повсеместно обнаруживался дефицит и обострилась продовольственная проблема.

На почве недовольства нэпом возникла новая оппозиция, центром которой является индустриальный Ленинград. В отличие от торгово-промышленной Москвы Ленинград больше страдал от существовавших в то время противоречий, нерешенных проблем и трудностей, от возросших цен и товарного дефицита. Все лето 1925 г. на страницах «Ленинградской правды» печатались статьи, доказывающие превосходство питерского пролетариата, «творца трех революций» в России и единственного наследника славных революционных традиций. Выборы делегатов на предстоящий (XIV) партийный съезд проходили в обстановке бурных дискуссий на заводах и фабриках. Зиновьев, лидер ленинградской партийной организации, выступил против проводимой политики по отношению к крестьянству, осудив ее как «уступку кулачеству». В своей работе «Ленинизм» он громил теоретические построения Бухарина и высказывался против теории построения социализма в отдельно взятой стране.

На почве усиливающихся разногласий обозначился раскол внутри правящей политической элиты. Зиновьев и Каменев развернули кампанию против большинства в Политбюро. Они выражали настроения части партийного аппарата, недовольной мерами, направленными на развитие рыночных отношений. Коль скоро эти меры осуществлялись

с помощью государственного регулирования, Каменев и Зиновьев определили советскую экономику не как социалистическую, а как госкапиталистическую. Одновременно они выступили с критикой бюрократизма в аппарате и усиливающейся роли партгосноменклатуры во главе с ее вождем — Сталиным.

Большое влияние на полемику оказала международная обстановка. Если в начале 1920-х гг. революционный подъем на Западе в какой-то мере вселял политическим лидерам надежды на мировую революцию, то последовавшие вслед за этим стабилизация и экономический подъем, которые совпали с временем признания СССР рядом государств, внесли доты пессимизма и разочарования. Новая оппозиция считала, что экономика СССР в результате проводимых мер вес больше интегрируется в мировое хозяйство (что соответствовало истине) и тем самым превращается в госкапиталистическую. Споры по теоретическим вопросам захлестнули в этот период практически все только что созданные коммунистические партии, в том числе и Коминтерн.

«Новая оппозиция» на XIV (декабрь 1925 г.) съезде ВКП(б) потерпела сокрушительное поражение, закулисно организованное партийно-государственной номенклатурой. Фактически на ее стороне оказались лишь ленинградские делегаты. Съезд констатировал наличие в партии уклона, недооценивавшего рост кулацкой опасности и середняка как центральную фигуру земледелия. Съезд в резолюции по отчету ЦК, с которым выступал Сталин, отметил, что второй уклон («новая оппозиция») представлял наибольшую угрозу. Одновременно съездом был взят курс на «социалистическую индустриализацию», на усиление планово-директивного начала в строительстве социализма. Советская историография не случайно называла этот съезд «съездом индустриализации».

Сразу после съезда был организован разгром ленинградской партийной организации. В Ленинград был высажен «десант» — особо назначенная комиссия под председательством опытного партийного бюрократа и верного сталинца В.М. Молотова, куда входили многие партийные деятели. Примерно месяц велась «обработка» местных коммунистов. В результате «форпост оппозиции» удалось уничтожить, была достигнута чуть ли не единодушная поддержка «генеральной линии». Ленинградскую партийную организацию возглавил последовательный сторонник Сталина С.М. Киров.

Однако с самой оппозицией не было покончено. Более того, весной 1926 г. на почве сближения идей происходит объединение «старой» и «новой» оппозиции в «троцкистско-зиновьевский блок». В него входили по большей части представители «старой партийной гвардии» — большевистской элиты старшего поколения: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Крупская, Преображенский, Пятаков, Серебряков, Сокольников, Антонов-Овсеенко, Муралов, Шляпников и др. Точки зрения на причины переживаемых трудностей и методы их преодоления среди оппозиции практически совпали. Все ее представители провозглашали себя подлинными большевиками-ленинцами, борцами против оппортунизма и бюрократизма. Троцкий, например, в это время активно выдвигал теорию «преданной революции», опасности «термидора», ведущего к победе бюрократии над пролетариатом. Он также говорил о невозможности построения социализма в одной стране и неизбежном его перерождении, если таковой будет строиться.

Выход из создавшегося положения левые видели в «реконструкции нэпа», в проведении «сверхиндустриализации», в развитии тяжелой промышленности в целях удержания подступов к мировой социалистической революции. Основной огонь критики был обрушен на экономические построения Бухарина и «правых оппортунистов» — Рыкова, Калинина, Дзержинского, Томского и др. Сталина и его ставленников — Молотова, Куйбышева, Кирова и др. — левые отнесли к аппаратно-центристской группировке, бюрократически извращающей партийную линию.

В основу экономической программы левых легла теория «изначального (первоначального) социалистического накопления», окончательно сформулированная к

тому времени Преображенским и Пятаковым. Суть программы — сделать «геркулесово усилие», чтобы вырваться из заколдованного круга нэповских проблем, совершить на них лобовую атаку, развернуть наступление социализма по всему фронту. Левые обвиняли Бухарина в том, что его программа предусматривает «черепаший шаг». Старая промышленность не может удовлетворить крестьянский спрос без реконструкции, поэтому каждый шаг в ту или иную сторону чреват кризисом. В стране огромное аграрное перенаселение, грозящее ростом безработицы. А главное, программа Бухарина означает усиление элементов капитализма (что, по мнению левых, было особенно опасно, так как вело к его реставрации).

Понимая чрезвычайность и искусственность своих мер, левые тем не менее считали, что они крайне необходимы как выход из того неустойчивого равновесия, в котором оказалась новая экономическая политика после завершения восстановительного периода. Дальнейшее развитие промышленности становится невозможным, так как находится в постоянной и сильной зависимости от крестьянского рынка, слабого, стихийного и неуправляемого.

План левых предполагал усиление налогового пресса на крестьянство, перекачку средств из деревни в город путем повышения цен на промышленную продукцию и обращения получаемых средств на нужды индустриализации. Чтобы сгладить наносимый деревне урон, намечалось бросить туда максимум организационных усилий, помочь в кооперировании крестьянских хозяйств, оттянуть из деревни лишние рабочие руки. В дальнейшем мыслилось постепенно сокращать долю средств, выделяемых на накопление за счет деревни, и капиталовложения в промышленность и возвратиться к органическому развитию экономики («троцкистская концепция затухающей кривой», как определил ее Сталин).

В социальной и политической области левые делали ставку на демократизацию партии, улучшение жизни рабочих, борьбу против «политических поползновений кулачества». В середине 1926 г. Зиновьев выступил против кампании «оживления Советов», которая, по его мнению, вылилась в засорение всей советской системы элементами новой буржуазии и бюрократии.

Оппозиция выступала также под флагом борьбы с «назначенчеством», подбором «верных людей», «проверенных лиц», «подмачивания», «подсиживания» идейных противников, их смещения с занимаемых постов.

Внутрипартийная борьба в 1926—1927 гг. характеризуется постоянным усилением позиций номенклатурного слоя, возглавляемого Сталиным. Идейные разногласия «правых» и «левых» для него имели второстепенное значение. Основная масса членов партии, как свидетельствуют многочисленные документы, шедшие снизу, плохо разбиралась в сущности теоретических расхождений политических лидеров, больше реагируя на те или иные повороты в текущих делах. «Генеральная линия» складывалась как причудливое смешение разнонаправленных действий, проводимых сталинским аппаратом. Всякое выражение инакомыслия превращалось в серьезную проблему. Попытки оппозиции воздействовать открыто на общественное мнение встречали неодолимые преграды, толкая ее на путь нелегалщины, а это, в свою очередь, создавало прецедент для политических обвинений. Отдельные оппозиционеры включились в активную пропагандистскую работу в первичных партийных ячейках на предприятиях и вузах Москвы и Ленинграда. За ними неотступно следовали агенты ОГПУ и отряды партийных инструкторов, разъясняющих «генеральную линию».

Партийный аппарат всячески вытеснял оппозицию, обвиняя ее в фракционной деятельности. На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1926 г. Политбюро было перетасовано в угоду Сталину. Зиновьев был заменен Рудзутаком, кандидатами в члены Политбюро стали лица из сталинского окружения: Андреев, Каганович, Киров, Микоян, Орджоникидзе. На следующем пленуме в октябре того же года Троцкий и Каменев были отстранены от деятельности Политбюро, Исполкому Коминтерна было предложено

сместить Зиновьева с поста его председателя. XV партийная конференция (октябрь—ноябрь 1926 г.) устроила настоящую травлю оппозиции, представителям которой было отказано в выражении своих взглядов. От них требовали одного — публичного покаяния в своих ошибках. Конференция единогласно приняла тезисы «о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране». Выдвигался лозунг: в кратчайший исторический срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

Наступление на оппозицию усилилось в связи с так называемой «военной тревогой 1927 г.», вызванной осложнениями дипломатических отношений СССР с рядом стран (Англией, Польшей, Китаем и др.). «Большинство» ЦК под предлогом угрозы войны клеймило любую форму оппозиции. Весь 1927 г. был отмечен кампанией дискредитации оппозиционеров и их изгнания из партийных рядов. На организованных по стране партийных собраниях принимались резолюции, их осуждающие. «Последний бой» оппозиция решила дать осенью 1927 г., представив свою программу экономических реформ и демократизации партии накануне предстоящего XV съезда. Так как ЦК запретил распространение этой программы, оппозиция использовала нелегальные формы и юбилейные мероприятия, связанные с 10-летием Октябрьской революции. В ответ на это октябрьский пленум ЦК вывел Троцкого и Зиновьева из своего состава, а в ноябре обоих исключили из партии. На XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) были исключены из ее рядов еще 93 видных оппозиционера. В начале 1928 г. большая группа их во главе с Троцким была сослана в Алма-Ату.

Между тем начиная с 1926 г. наметились признаки изменения «генеральной линии». Взгляды на причины этого высказываются разные, не исключается и воздействие критики со стороны оппозиции. Думается, однако, что изменения были продиктованы господствующими в советском обществе настроениями и интересами укрепляющейся номенклатуры. На словах еще сохранялась верность принципам нэпа, но на деле проводилась политика, ведущая к их свертыванию. На 1926/27 г. приходится налоговая реформа, которая акцентировала свое внимание на классовом расслоении деревни. Она меняла прогрессию обложения и систему распределения налогов. Если в 1925/26 г. от налога освобождалось 9% хозяйств, то на следующий год — 24%. В ближайшие годы намечалось увеличить эту долю до 35%. Одновременно резко возрастала налоговая прогрессия в сторону более зажиточных хозяйств.

В 1926 г. принимается новая инструкция по выборам в Советы, ограничивающая избирательные права зажиточных крестьян.

На протяжении 1926—1927 гг. отчетливо прослеживается нарастание централизации и административного нажима по всем направлениям государственной политики и отмечается ухудшение общего положения в стране.

XV съезд ВКП(б), который раньше почему-то называли «съездом коллективизации», был тем не менее очень важной вехой в советской истории. Он ознаменовал переход к планово-распределительной системе управления в связи с принятием директив пятилетнего плана развития народного хозяйства. В основу плана были заложены высокие темпы индустриализации, наступление на частнокапиталистические элементы города и деревни путем значительного повышения налоговых ставок, поощрительные меры в отношении беднейшего крестьянства и усиление кооперирования деревни. В то же время в директивах еще остаются следы разумной хозяйственной политики, указывается на необходимость сохранения равновесия, правильных пропорций между потреблением и накоплением, промышленностью и сельским хозяйством, учитываются возможности освоения природных и привлечения трудовых ресурсов, создания резервов и т.д. В составлении плана участвовало большое число специалистов. План был разработан в двух вариантах: минимальном и оптимальном. В целом же предполагалось через 5 лет достигнуть некоторого промежуточного уровня, обеспечивающего тем не менее существенный шаг вперед к социализму.

§ 5. «Год великого перелома»

Зимой 1927/28 г. разразился очередной кризис нэпа, приведший к корректировке всех направлений внутреннего и внешнего курса руководства страны. «Социалистическая индустриализация» приобретала все более зримые черты, переходя из плоскости теоретических дискуссий в практическое воплощение. Уже в августе 1927 г. ВСНХ отверг умеренные контрольные цифры на следующий хозяйственный год, потребовав более высоких капиталовложений в тяжелую промышленность. СТО одобрил строительство Днепрогэса и целого ряда других объектов, предусмотренных пятилетним планом.

Политика «социалистической индустриализации» была направлена на: 1) всемерное развитие государственного сектора как основы социалистической экономики; 2) внесение в управление народным хозяйством планового начала; 3) установление новых взаимоотношений между городом и деревней с учетом расширения крестьянского спроса не только на продукты потребления, но и на средства производства; 4) сокращение непроизводительного потребления («режим экономии»), с тем чтобы сэкономленные средства направить на строительство новых заводов и фабрик. При этом утверждалось, что «социалистическая индустриализация» может быть осуществлена только за счет внутренних источников накопления, так как СССР не мог рассчитывать на иностранные кредиты.

Программа «социалистической индустриализации» дополнялась планом реконструкции народного хозяйства, который предусматривал: изменение техники и способов производства в направлении развития энергетических мощностей, расширение массового производства, перенесение в экономику страны передовой американской и европейской технологии, рационализацию, научную организацию труда (НОТ), изменение общей структуры производства с целью развития отраслей тяжелой промышленности, перемещение производства к источникам сырья и энергии, специализацию районов в соответствии с их природными и социальными особенностями.

Несмотря на хороший урожай в 1927 г., государство встретилось с еще большими трудностями с хлебозаготовками, чем в прошлом году. Главную роль в торговле продуктами и снабжении ими населения в стране играл частник. В связи с этим была выдвинута задача полного его вытеснения за счет государственной и кооперативной торговли, воздействия на рынок путем регулирования цен. Цены на сельскохозяйственные продукты были снижены, тогда как на промышленные товары они оставались относительно высокими. Промышленность, направившая свои усилия на нужды индустриализации, не могла обеспечить расширение спроса. Крестьяне задерживали продажу излишков государственным органам. Государственные и кооперативные магазины и лавки оставались пустыми или были заполнены не пользующимся спросом товаром. Какие-либо поступления дефицитных продуктов неизбежно перекочевывали в руки частных торговцев и спекулянтов, которые в условиях постоянных нехваток товаров неизменно «вздували» цены. Добавились слухи о надвигающейся войне, которые увеличивали ажиотажный спрос. В продовольственном снабжении городов наступило резкое ухудшение. Стали проявляться признаки общего недовольства и социальной напряженности.

План хлебозаготовок, намеченный на конец (октябрь — декабрь) 1927 г., провалился. Вместо 4,58 млн. т заготовленных за соответствующий период прошлого года удалось закупить только 2,4 млн. т, т.е. почти в два раза меньше. Экспортировать, собственно говоря, было нечего и закупать оборудование не на что, так как хлеб составлял главную статью вывоза. Вопрос теперь стоял так: либо отказаться от взятых высоких темпов индустриализации, либо пойти на какие-то экстраординарные меры. Таким образом, кризис хлебозаготовок стал тем катализатором, который ускорил и обострил социальные и политические процессы в стране и послужил поводом для смены курса политического руководства.

Чтобы лучше понять смысл и масштабы последовавших вслед за этим социальных катаклизмов, видимо, необходимо привести некоторые данные о социальной структуре советского общества накануне «великого перелома». Основой для них послужили сведения комиссии по налогообложению при СНК и СТО в 1927 г., сверенные с результатами переписи населения 1926 г. (см. таблицу).

Социальная структура советского общества во второй половине 1920-х гг.

Социальные категории	Общая численность		Занятые в народном хозяйстве	
	в млн. чел.	В %	в млн. чел.	В %
Рабочие:	16.0	10.8	7.1	18,8
городские	11.6	7,8	4,7	12.4
сельские	4.4	3.0	2.4	6.4
Служащие	8.7	5.9	3,5	9.2
Крестьяне:	108,0	73.0	20,2	53,3
бедняки	21,1	14,3	5,0	13,2
средняки	81.0	54,7	14,3	37,7
зажиточные («кулаки»)	5.9	4,0	0,9	2,4
Кустари и ремесленники:	5.8	3.9	2.0	5,3
городские	2,2	1,4	0.7	1.9
сельские	3,6	2.5	1.3	3,4
Буржуазия города:	2.7	1,8	0.9	2.4
торговцы	1,6	1.1	0.5	1.3
владельцы мелких предприятий, использующие наемный труд	0.5	0.3	0.1	0,3
Безработные	1.6	1.1	1.1	2.6
Прочие (иждивенцы государственных общественных учреждений, прислуга, лица свободных профессий и т.д.)	5.2	3,5	3.2	8.4
Всего:	148,0	100,0	38.0	100,0

Приводимые цифры можно сравнить с данными о социальной структуре России накануне революции. Прежде всего бросается в глаза значительно меньшая численность населения, что явилось следствием отторжения от России ряда территорий, демографических катастроф периода войн и революций, политики ликвидации эксплуататорских классов, эмиграции, голода 1921—1922 гг. и других причин. В последующие годы население страны начинает расти довольно быстрыми темпами. Во второй половине 1920-х гг. естественный прирост достигает 3 млн. человек — небывалый для всей российской и советской истории, хотя и не компенсировавший всех прежних людских потерь. Рост населения был обусловлен возобновлением наметившихся еще до революции демографических процессов, характерных для аграрных стран, находящихся на ранней стадии модернизации, когда происходит так называемый «демографический взрыв». Демографический взрыв, в свою очередь, сопряжен с такими неизбежными спутниками, как безработица, аграрное перенаселение, образование «лишних ртов». Признаки подобных явлений отчетливо видны в приводимых данных.

Всего лишь четверть населения можно было с полным правом включить в число занятых в народном хозяйстве (по тогдашней терминологии, «самодетельного населения»). Цифры достаточно точно указывают на причину этого — громадная разница

между числом «самодеятельного» и «несамодеятельного» населения среди деревенских жителей, главным образом в группах среднего и зажиточного крестьянства. Следует добавить, что перепись населения 1926 г. зарегистрировала в деревне 47 млн. человек взрослого трудоспособного населения в качестве «членов семьи, помогающих в занятии». Это означает, что имущественное положение крестьян зависело от количества работников в хозяйстве, в то время как число малолетних детей было для него дестабилизирующим фактором. Демографическая ситуация в деревне была дополнительным источником социальной напряженности.

Социальная структура советского общества в соответствии с социальной и политической иерархией нового режима выглядела как бы перевернутой по сравнению с дореволюционной и в определенной мере отражала характер происшедших после революции изменений. На верхнюю ступень социальной лестницы ставился «пролетариат», к которому, по официальной терминологии того времени, относились рабочие и, с оговорками, служащие государственного аппарата. Дело в том, что государственный аппарат к тому времени полностью вобрал в себя сильно поредевшую старую интеллигенцию, по отношению к которой политика становилась все более враждебной. Категория «пролетариат» требует особо внимательного анализа. Фактически от имени пролетариата выступали несколько десятков тысяч коммунистов, занимавших руководящие посты в партийном, советском государственном аппарате, в общественных организациях. Большинство из них, действительно, имело рабочее прошлое, или, как тогда говорили, «пролетарскую закваску». Например, среди руководителей предприятий и учреждений в системе ВСНХ бывшие рабочие составляли более 60%. Примерно такая же картина наблюдалась в других хозяйственных ведомствах. Эта поднимающаяся к власти группа, с особым положением и интересами, методами и способами действий, сформированная при непосредственном участии партийного аппарата и лично Сталина, подпираемая снизу новыми выдвиженцами, стремилась всемерно расширить свое влияние, захватывая одно за другим различные звенья управления. Это неизбежно вело к столкновению со старыми кадрами. Так, продвижение номенклатуры в среднее звено управления (кампания, предпринятая руководством в конце 1920-х гг.) не могло не вызвать гонений на старых специалистов.

Вопрос о взаимоотношении номенклатуры с рабочей массой чрезвычайно сложен. Выступая от имени последней, номенклатура всячески бравировала пролетарским происхождением, говорила на своеобразном «рабочем языке», рядилась в «рабочие одежды». Номенклатурным выдвиженцам удалось в условиях нарастающих трудностей нэпа нейтрализовать недовольство рабочих, натравливая их против прежних руководителей, против буржуазных спецов, против кулаков, против других элементов, якобы мешающих ускоренному движению в социализм. Этим объясняется развертывание целого ряда массовых кампаний конца 1920-х гг., получивших поддержку среди рабочего класса. Вместе с тем, отрываясь от производства и переходя в иной социальный статус, выдвиженцы все более отдалялись от реальных нужд рабочего класса.

Последний, как и раньше, не составлял большинства ни в структуре населения, ни в структуре занятых, о чем говорят приводимые цифры. Численность фабрично-заводских рабочих в начале 1928 г. составляла 2,7 млн. человек. С началом индустриализации значительно увеличилось количество строительных рабочих, которые были заняты на многочисленных стройках пятилетки. Основным источником роста рабочих кадров была деревня. До конца 1920-х гг. из деревни в город перешло примерно 1 млн. человек. Между тем рынок труда в городе не мог обеспечить занятости и для этой приходящей в город рабочей силы, что создавало в нем дополнительные трудности и неудовлетворенность сложившимся положением. Количество безработных в 1929 г. приближалось к 2 млн. человек. По-прежнему в город шла в основном молодежь, часть общества, наиболее заинтересованная в изменениях и более всего приверженная новым ценностям и идеалам.

Социальная структура деревни 1920-х гг., как свидетельствуют цифры, претерпела довольно существенные изменения по сравнению с дореволюционной. Явное преобладание середняков, казалось бы, должно было привести к необходимости учета интересов именно этой группы крестьянства, однако социально-экономическая политика все более смещалась в сторону неимущих и малоимущих слоев. Ситуация в деревне к концу десятилетия резко обострилась. Документы этого времени свидетельствуют о нарастании агрессивности и озлобленности бедняков против зажиточных крестьян, усиленно подогреваемых официальной пропагандой. Между тем приводимые в таблице данные показывают, что удельный вес «кулаков» в деревне был невелик и утверждения о «кулацкой опасности» не были оправданы. Недовольны были и средние слои крестьянства, поскольку органы управления воздвигали все больше препятствий в развитии промыслов, устанавливая на них дополнительные налоги и переводя крестьян-промысловиков в разряд «кулаков» и «лишенцев», т.е. лиц, лишенных политических прав. Получившее к концу 1920-х гг. широкое распространение отходничество (к 1929 г. — более 4 млн. крестьян, отходивших на заработки) лишь в незначительной степени сглаживало социальные противоречия деревни. Государство стремилось подчинить своему влиянию стихийный отход, придать ему организованный характер и направить его на нужды индустриализации.

Точно так же не состоятельны были опасения, связанные с ростом капиталистических элементов в городе. Они составляли незначительный процент населения и были поставлены политикой режима на самую нижнюю ступень социальной лестницы вместе с остатками прежних классов, так называемыми «бывшими» (бывшие дворяне, чиновники старого режима, священники, монахи, жандармы, полицейские, прислуга и т.д.). Все они каким-то образом приспособились к новому режиму, влились в состав советских учреждений. В литературном памятнике той эпохи — романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» — авторами создана целая галерея подобных образов. Отношение к ним можно определить как «общественный остракизм».

Так выглядела социальная структура советского общества накануне «великого перелома», который приходится на 1928—1929 гг. и характеризуется свертыванием нэпа по всем направлениям хозяйственной и социальной политики, политическим и идеологическим разгромом его сторонников и отказом от принципов, на которых он зиждился. В свою очередь, события этого времени вызвали поистине лавинообразные сдвиги, ознаменовавшие конец старой крестьянской и нэповской России.

Спустя всего месяц после XV съезда ВКП(б) Политбюро в январе 1928 г. проголосовало за применение чрезвычайных мер при выполнении плана хлебозаготовок. По всей стране разъехались около 30 тыс. эмиссаров — специальных уполномоченных, в задачи которых входило подстегивание хлебозаготовительной кампании. В числе уполномоченных был и Сталин. Генсек действовал в Западной Сибири в духе гражданской войны и политики продрозверстки. Вслед за Сталиным шли вооруженные отряды, производившие повальные обыски и реквизиции хлебных «излишков». Их владельцев зачисляли в «кулаков» и судили по 108 статье УК РСФСР (обвинение в спекуляции). Имущество арестованных, скот, инвентарь изымались в пользу государства. Советские органы, не обеспечившие выполнение плана хлебозаготовок, распускались. В том же духе действовали сталинские выдвиженцы: В.М. Молотов и Н.М. Шверник на Урале, А.А. Андреев на Северном Кавказе и др. Подобный способ хлебозаготовок получил название «урало-сибирского метода». С января по март 1928 г. было заготовлено таким путем 4,21 млн. т зерна. Можно сказать, что относительный успех этой чрезвычайной кампании был обеспечен солидарными действиями сталинской номенклатуры, руководителей партийных организаций, органов прокуратуры и суда, ОГПУ и милиции на местах. В этом проявилась сила создаваемого режима.

Вместе с тем традиции нэпа еще сохраняли свое влияние. Молва о «подвигах» Сталина и сторонников его метода распространялась по стране. Часть партийного руководства согласилась на чрезвычайные меры лишь как на временный выход из трудностей и вовсе не рассчитывала, что они будут проводиться подобным образом. Эти руководители больше уповали на агитацию, убеждение, а не на возвращение к 1 методам «военного коммунизма». Поэтому на апрельском пленуме ЦК 1928 г. чрезвычайные меры в области хлебозаготовок хотя и были одобрены, но осуждались перегибы в отношении середняка и разрушение рынка. Вслед за этим объем хлебозаготовок снова резко сократился, что еще более обострило ситуацию в стране. Но теперь накопленный сталинцами опыт как бы подсказал выход из сложившегося тупика. Сталин и возглавляемый им аппарат, можно сказать, «определились» в своих действиях.

В марте 1928 г. председатель Совнаркома Рыков подвергся критике за невнимание к машиностроению и металлургии. Комиссия в составе нового председателя ВСНХ Куйбышева, председателя Госплана Кржижановского и наркома РКИ Орджоникидзе постановила удвоить в течение года объемы капитального строительства, направив усилия на строительство заводов-гигантов. Одновременно в газетах было объявлено о раскрытии разветвленного заговора «вредителей» на шахтах Донбасса, имевшего якобы цель спровоцировать кризис в угольной отрасли и вызвать недовольство трудящихся масс. Шахтинский процесс, проходивший весной—летом 1928 г. и, как теперь выяснилось, целиком сфабрикованный органами ОГПУ, положил начало кампании преследования старых специалистов и замены их новыми выдвиженцами. Вся шумиха вокруг шахтинского дела была необходима сталинскому руководству, чтобы подорвать идею классового мира и сотрудничества, лежавшую в основе нэпа, и подтвердить свой тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, а по сути внести в политику элементы социального противоборства, чтобы обеспечить социальную опору проводимым им мероприятиям.

На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. Сталин выступил с теоретическим обоснованием своего тезиса. Он заявил о необходимости «дани», своего рода «сверхналога» на крестьянство для сохранения и увеличения высоких темпов развития индустрии.

Все дальнейшие мероприятия характеризуются усилением роли директивного планирования, административного и полицейского нажима, развертывания грандиозных массовых кампаний, направленных на ускорение темпов социалистического строительства. Сталин и его выдвиженцы выступают активными сторонниками «социалистического наступления» и свертывания нэпа. Атака должна была идти по всем правилам военных действий с провозглашением фронтов: «фронта индустриализации», «фронта коллективизации», «идеологического фронта», «культурного фронта», «антирелигиозного фронта», «литературного фронта» и т.д.

Развертывание «фронта индустриализации» выливалось в строительство новых промышленных объектов, усиление режима экономии, добровольно-принудительное распространение «займов индустриализации», установление карточного снабжения населения городов и рабочих поселков. Эти мероприятия сопровождалось вытеснением частного сектора из экономики. На протяжении 1928 и 1929 гг. неоднократно менялись ставки прогрессивного налогообложения, прежде всего на промыслы и акцизы, увеличение налогов вдвое привело к свертыванию нэпманского предпринимательства, закрытию частных магазинов и лавок и, как результат, к расцвету спекуляции на «черном рынке». В продолжающемся ухудшении жизни была обвинена деревня, кулак как главный виновник трудностей. Нагнеталось враждебное отношение к крестьянству как косной и инертной массе, как носителю мелкобуржуазного сознания, препятствующего социалистическим преобразованиям. Все шире распространялся лозунг: «Закон индустриализации — конец деревне, нищей, драной, невежественной!» На помощь уполномоченным по хлебозаготовкам партийные органы посылали в деревню рабочих

промышленных предприятий, исподволь подготавливая массовый поход рабочих в деревню.

В начале 1929 г. началась кампания по развертыванию массового социалистического соревнования на фабриках, заводах, на транспорте, в строительстве. В течение нескольких месяцев вся пресса во главе с «Правдой», партийные, профсоюзные, комсомольские органы усиленно пропагандировали различные трудовые починки, многие из которых были подхвачены рабочими. Широкое распространение получили такие формы соревнования, как движение ударников, движение за принятие встречных планов, «непрерывка», движение «догнать и перегнать» (ДИП) капиталистические страны по объемам производства и производительности труда и др. Социалистическое соревнование провозглашалось одним из главных условий выполнения заданий пятилетки. Оно оживило революционно-романтические настроения масс, уверенность в том, что с помощью штурма, наскока, порыва можно сделать все. Такая установка также шла вразрез с нэповской традицией, больше полагавшейся на реализм в экономике и политике и апеллировавшей к ленинской формулировке «не на энтузиазме непосредственно, а с помощью энтузиазма». Антинэповская кампания на «идеологическом фронте» идентифицировалась прежде всего с борьбой против «правого уклона в ВКП(б) и в Коминтерне». В сущности с правыми олицетворялись все, кто продолжал оставаться на принципах нэпа, призывал к умеренности и осторожности, здравому смыслу. Таких было немало и в самой партии, и в государственном аппарате, и в профсоюзах, и в кооперации. Чтобы поколебать позиции этих кадров и подготовить их смещение, сталинское руководство развязало кампанию развертывания критики и самокритики, направленную против руководителей СНК, ВСНХ, ВЦСПС, ИККИ, Наркомпроса, Московского комитета ВКП(б). Чаще всего кампания велась под флагом борьбы против бюрократизма, злоупотреблений и других негативных явлений, которые были присущи всем советским учреждениям. Провозглашая курс на «социалистическое наступление», сталинское руководство стремилось обеспечить ему идеологическую поддержку. Этой цели служили организованные партаппаратом в 1928 г. очередные конгресс Коминтерна, съезды профсоюзов, комсомола, на которых прежнее руководство этих органов подвергалось резкой критике как не справившееся с задачами текущего момента. На VI конгрессе Коминтерна (июль—сентябрь 1928 г.) «правый уклон» был объявлен главной опасностью для международного коммунистического движения. Это был прямой выпад против Бухарина — председателя ИККИ. Ноябрьский пленум ЦК указал, что «правый уклон» представляет главную опасность внутри ВКП(б). На VIII съезде профсоюзов (декабрь 1928 г.) подверглось критике профсоюзное руководство, возглавляемое М.П. Томским. Председатель ВСНХ Куйбышев обвинил профсоюзы в бюрократизме, в отрыве от рабочих масс. Он выдвинул лозунг: «Профсоюзы — лицом к производству!», что на практике выливалось в свертывание каких-либо самостоятельных функций профсоюзного движения и превращение его в бессильный придаток государственных органов. Параллельно был осуществлен разгром Московского комитета партии, подобно тому, как это было сделано в свое время в Ленинграде. В результате позиции многих руководителей сильно пошатнулись. Хотя большинство из них продолжало оставаться на своих постах, их отстранение было вопросом времени и аппаратной механики, выработанной еще в период борьбы с «левыми».

Как уже говорилось, главным идеологом нэпа был Бухарин, поэтому борьба с «правым уклоном» была направлена прежде всего против него и его взглядов. Правда, характер дискуссий теперь был уже иной. Спорили главным образом за закрытыми дверями, не посвящая рядовых коммунистов в сущность разногласий. О том, что в действительности происходило в это время в высших эшелонах партийного руководства, общество узнало много позже. На страницы прессы проникали лишь отголоски дискуссий, зачастую излагаемые «эзоповским языком» и намеками. Пользуясь своим положением главного редактора «Правды», Бухарин выступил с рядом статей, в которых

под видом борьбы против троцкизма критиковался отказ от нэпа, проводимый сталинским руководством. В статье «Заметки экономиста» Бухарин дал анализ складывающейся в стране ситуации. «Сумасшедшие люди, — писал он, — мечтают о гигантских прожорливых стройках, которые годами ничего не дают, а берут слишком много». Бухарин указывал на нарастающий дисбаланс между различными отраслями хозяйства, на опасность непрерывного наращивания капитальных затрат, возражал против «максимума годовой перекачки [средств] из крестьянского хозяйства в промышленность, считая наивной иллюзией, что таким способом можно поддерживать высокий темп индустриализации. В статье «Политическое завещание Ленина» Бухарин опять же не прямо, а косвенно критиковал «генеральную линию», противопоставляя ее взглядам Ленина, изложенным в его последних работах.

Разгром «правых», также происходивший за закрытыми дверями, состоялся на апрельском объединенном расширенном пленуме ЦК и ЦКК 1929 г. В своей речи Бухарин попытался очертить последствия взятого сталинским руководством курса. Под сталинской линией, говорил Бухарин, скрывается господство бюрократии и режим личной власти. Грандиозные планы социалистического переустройства общества он назвал не планами, а литературными произведениями. Индустриализацию, по его мнению, нельзя проводить на разорении страны и развале сельского хозяйства. Чрезвычайные меры означают конец нэпа. Бухарин обвинил сталинский аппарат в военно-феодальной эксплуатации крестьянства, а проводимую на ее основе индустриализацию — «самолетом без мотора». Скептически отнесся Бухарин к идее массовой коллективизации. Ее нельзя строить на нищете крестьянства — «из тысячи сох не составить трактора». Главный теоретический тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму Бухарин назвал «идиотской безграмотной полицейщиной».

Резкую речь Бухарина на пленуме следует рассматривать скорее как акт отчаяния, предчувствие неминуемого поражения ввиду яростного наступления сталинской клики, которая теперь полностью «правила бал» в партийном руководстве, и нравов, царивших в нем. Доводы разума не играли уже никакой роли. Не получил поддержки Рыков, как председатель правительства выступивший с довольно аргументированным и реальным двухлетним планом восстановления расстроенного народного хозяйства, оздоровления финансов, устранения «узких мест» и консервации необеспеченных ресурсами строек.

О том, какие методы дискредитации оппонентов утверждались в партии, свидетельствует сталинское выступление на пленуме. Он извлек из архива старую полемику между Лениным и Бухариным по поводу государственного капитализма, вспомнил ленинское «Письмо к съезду», из которого взял фразу, где Ленин говорит о Бухарине как никогда серьезно не учившемся марксисте, намекнул на предполагаемое участие Бухарина в заговоре левых эсеров. Когда Бухарин говорил о перерождении партии, превращении ее в болото послушных бюрократов, ее засоренности политически безграмотными чиновниками, не отличающими Бебеля от Бабеля, Сталин прервал его репликой: «Ты у кого это списал? У Троцкого!», намекая на контакты Бухарина, искавшего союзников, с разгромленной оппозицией. Что касается существа дела, то взгляды Бухарина и его сторонников он назвал пораженческими, проявлением панических настроений. Пленум 300 голосами против 13 осудил «правый уклон».

Вслед за пленумом была созвана XVI партийная конференция, которая проходила под знаком осуждения правых по всем направлениям текущей политики. Конференция отклонила какие-либо попытки снижения темпов индустриализации. В решениях конференции подчеркивалось, что пятилетка является процессом развернутого социалистического наступления и выполнению ее препятствуют не столько трудности организационно-технического характера, сколько обострение классовой борьбы и сопротивление капиталистических элементов. Преодоление этих трудностей возможно только при огромном росте активности и организованности трудящихся, изжитии мелкобуржуазных колебаний в решении вопроса о темпах и наступлении на кулачество.

«Правый уклон» был назван «откровенно капитулянтским», ему объявлялась решительная и беспощадная борьба.

Конференция в качестве пути подъема сельского хозяйства сделала ставку на организацию «крупного социалистического земледелия» — колхозов и совхозов, а в качестве важнейшего направления работы партии в деревне — организацию бедноты для борьбы совместно с середняком против кулака. Конференция постановила произвести генеральную чистку партии и госаппарата «под контролем трудящихся масс» под флагом борьбы с бюрократизмом, с извращениями партийной линии, развертывание критики и самокритики. Практически каждое выступление партийных руководителей с мест на конференции заканчивалось рефреном «даешь пятилетку, даешь индустриализацию, даешь трактор.., а правых — к черту!». Налаженный в партийном аппарате механизм проведения «генеральной линии» действовал четко и почти безотказно.

Дальнейшая борьба с «правым уклоном» превратилась в откровенную травлю оппозиционеров. «Правый уклон» олицетворялся с именами Бухарина, Рыкова, Томского. Против них развернула широкую кампанию печать. Повсеместно организовывались собрания и митинги с «разоблачением» и осуждением их сторонников. От них требовали признания своих ошибок и покаяния. Несколько позже, на ноябрьском пленуме 1929 г., принадлежность к «правому уклону» была признана несовместимой с пребыванием в партии. За короткий срок из нее было исключено 149 тыс. человек (11%), в основном по обвинению в «правом уклоне». По всей видимости, эта цифра близка к реальному количеству коммунистов — сторонников продолжения нэпа. Большинство из них так или иначе, раньше или чуть позже вынуждены были публично признаться в своих ошибках и заблуждениях. В противном случае они оказывались в положении отверженных, на которых могли распространяться всевозможные кары и репрессии.

Разгром «правых» происходил под аккомпанемент обвального крушения нэпа по всем направлениям хозяйственной и социальной политики. В связи с переходом к директивному централизованному планированию перестраивается вся система управления народным хозяйством, в которой поначалу легко можно увидеть черты, унаследованные от «военного коммунизма». На базе государственных синдикатов, которые фактически монополизировали снабжение и сбыт, создаются производственные объединения, весьма смахивающие на главки первых послереволюционных лет и положившие начало становлению «ведомственной экономики». Производство строилось путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся вплоть до норм оплаты труда рабочих. Предприятия, в сущности, бесплатно получали соответствующие фонды сырья и материалов по карточно-нарядной системе. Снова возникли разговоры о прямом плановом продуктообмене между городом и деревней, об отмирании денег, о преимуществах карточной системы снабжения и распределения. Ликвидировались многие банки, акционерные общества, биржи, кредитные товарищества. На производстве вводилось единоначалие, руководители предприятий напрямую делались ответственными за выполнение промфинплана. Директора крупнейших строек и предприятий назначались теперь по особому номенклатурному списку.

Летом 1929 г., несмотря на принятый закон о пятилетнем плане, начался ажиотаж вокруг его контрольных цифр. Безоговорочно принимались встречные планы, как будто под них уже имелось материальное обеспечение. В ответ на лозунг «Пятилетку в четыре года!» Сталин призывал выполнить ее в три года. Задания по тяжелой промышленности (в металлургии, машиностроении и др.) были резко увеличены.

Каскад произвольных, материально не подкрепленных мер, проводимых в форме постановлений, распоряжений, приказов, буквально терзал страну.

Чрезвычайные методы господствовали на «фронте хлебозаготовок». По всем деревням и селам разъезжали уполномоченные, отбирая у крестьян «хлебные излишки». Им на помощь из города было направлено около 150 тыс. посланцев рабочего класса, попутно излагающих новую политику партии. О том, как велась эта агитация среди

крестьян, видно из письма на имя Сталина рабочего Чернореченского завода (Нижний Новгород), посланного в один из районов ЦЧО: *«Прошу Вас тов. Сталин дать мне ответ на вопрос, как лучше подойти к делу. Я объяснял им [необходимость развития тяжелой индустрии] так, что нельзя сразу вас снабдить мануфактурой, обувью., потому что сейчас мы ведем по строго выработанному плану наше хозяйство. Если мы пустим сразу в дело эти две отрасли, то у нас будут стоять главные рычаги нашего народного хозяйства — тяжелая промышленность, которая будет производить машины производства. Я приводил им такой простой пример: «Вот, мол, крестьянин имеет 250 руб. денег, семейство его 15 человек, нет одежды, нет обуви. Что он купит?». Он отвечает: «Лошадь». Вот так и государству нужен прежде всего двигатель, чтобы двигать народное хозяйство. Но они не верят... «Сколько кожи, а обувь дорога». — «А за сколько бы ты хотел купить сапоги? Пуд хлеба за одну пару сапог?» — «Нет, я бы дал пудов 8 за сапоги». И не верят, что мы придерживаемся строгому плану всех промтоваров по кооперативным организациям. Недостатки у нас общие. Но они не верят. Я Вас и прошу, как лучше и детальнее объяснить? Просил бы не отказать ответить».*

Газеты усердно пропагандировали преимущества колхозов, товарность которых по зерну якобы составляла 35%, а совхозов — и того выше. В результате настойчивой пропаганды доля коллективизированных крестьянских хозяйств поднялась с 3,9% в июне до 7,6% в октябре. На заводах и фабриках разворачивалось движение 25-тысячников. Суть его состояла в том, чтобы отобрать в среде рабочего класса самых лучших его представителей и направить в деревню для организации колхозов и совхозов. По официальным данным, было зарегистрировано около 700 тыс. рабочих, выразивших желание выехать на фронт «колхозного разворачивания». Сказывалось постоянное внушение рабочим мысли об их авангардной роли, об отсталости деревни, не знающей своего счастья, которое заключается-де в том, что нужно как можно скорее объединиться в колхозы и создать социализм в деревне, выкорчевать существующие в ней зародыши капитализма в лице индивидуальных крестьянских хозяйств. Так готовилась организационная и идейная база для проведения сплошной коллективизации.

Не менее важные события происходили на «культурном фронте». Общий культурный уровень населения страны на протяжении 20-х гг. поднимался медленно. Правда, по уровню грамотности были достигнуты впечатляющие цифры. К 1930 г. число грамотных по сравнению с 1913г. увеличилось почти вдвое (с 33 до 63%). Однако этот рост был обусловлен не столько внедрением систематического школьного образования (число учащихся в начальных школах в 1929 г. составляло 10 млн.), сдерживаемого нехваткой школ, учителей, учебников, сколько расширением курсов по ликвидации неграмотности, в задачи которых входило овладение элементарными навыками чтения и письма и основами политграмоты. Причем, как в и других областях, и здесь к концу 1920-х гг. явно проступали черты чрезвычайщины и кампанейщины. Если, например, в 1927 г. подобные курсы по официальным отчетам закончили 800 тыс. человек, то в следующем году — уже 2 млн., а в 1929 г. — 10 млн.

В задачи культурной революции, которые выносились на повестку дня, включались борьба с мещанскими и буржуазными проявлениями, критическая переработка старого буржуазного культурного наследия и создание новой социалистической культуры, т.е. внедрялись примитивные культурные штампы и стереотипы. Провозглашались лозунги решительной борьбы с враждебными идеологиями, течениями, нравами, традициями как в области науки, литературы, искусства, так и в области труда и быта. Агрессивно насаждались коллективистские начала, ведущие к подавлению индивидуальности и свободы творчества. Нагнетались антиинтеллектуализм, недоверие к «гнилой интеллигенции» и «гнилому либерализму». Усилилась разнузданная и крикливая антирелигиозная пропаганда, возглавляемая «Обществом воинствующих

безбожников» и сопровождаемая разрушением церквей, исторических памятников, арестами священников как пособников кулаков и врагов социализма.

На «литературном фронте» борьбу за социализм вела созданная в 1928 г. Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) и ее руководство, объединившееся вокруг журнала «На литературном посту» («Напостовцы»). Напостовцы проповедовали «гегемонию пролетариата в литературе». В связи с этим они поделили писательский лагерь по классовому принципу («пролетарские писатели», «попутчики», «буржуазные» и «необуржуазные» авторы), периодически организуя разносы и преследования различных литературных группировок и объединений. Под огонь критики попали многие писатели, в том числе и М. Горький как «не совсем чистый» пролетарский писатель, М. Булгаков как выразитель контрреволюционного необуржуазного сознания, В. Маяковский за анархо-бунтарские индивидуалистические настроения и др. Аналогичные явления происходили в искусстве, театральной жизни, кинематографии. Они сводили на нет многообразие культурной и художественной жизни 1920-х гг.

Экстремизм во внутренней политике отразился и на действиях сталинского руководства в международной жизни. Во второй половине 1929 г. все отчетливее становились признаки тяжелейшего кризиса, охватившего экономику Запада. На этом фоне эйфория по поводу социалистического наступления получила дополнительную подпитку. Казалось, что наступает крах капитализма. Пресса пестрела сообщениями о голоде, нищете, безработице, об уничтожении на Западе многих тонн нереализованной продукции. Сам собой напрашивался вывод, что только социализм способен покончить с подобными явлениями. Изменившаяся международная обстановка позволила сталинскому руководству в Коминтерне провозгласить тезис о возрастании агрессивности империализма в период кризисов, а значит, о приближении возможности войны и революции. В качестве примера указывалось на возникновение фашизма. Однако главным врагом рабочего движения были объявлены так называемые «социал-предатели» или «социал-фашисты», под которыми подразумевались социал-демократы, поскольку они своим реформизмом препятствовали наступлению революции. В этой «слегка» извращенной логике явно прослеживаются следы сталинского творчества. Подобная установка, конечно, вела к расколу рабочего движения и облегчала установление фашистских и военных режимов в целом ряде европейских стран.

Накануне 12-й годовщины Октября Сталин выступил в «Правде» со статьей «Год великого перелома», в которой говорил о закладке основ строительства социализма, о решении проблемы внутренних накоплений, о новых формах повышения производительности труда, о повороте крестьянских масс к сплошной коллективизации и т.д. На ноябрьском Пленуме ЦК речь шла о громадных успехах, якобы достигнутых страной в 1929 г. Опираясь на них, было решено снова увеличить плановые задания. Шло даже соревнование за то, кто больше пообещает в деле досрочного выполнения пятилетки. Для внесения единства в «грандиозное развертывание крупных совхозов, колхозов и МТС» было признано необходимым создание единого органа — союзного Наркомзема, которому вскоре предстояло стать своеобразным штабом массовой коллективизации.

Конец 1929 г. был отмечен празднованием 50-летнего юбилея Генсека. Заметно возросла значимость Сталина. Он провозглашался «ближайшим и верным соратником Ленина», «виднейшим руководителем и вождем ВКП(б) и Коминтерна», «несгибаемым бойцом партии с железной настойчивостью и твердостью, с исключительной проницательностью проводящим генеральную линию партии». Сталин становился символом «социалистического наступления», его бесспорным лидером и вождем.

Видимо, следует подвести некоторые итоги той полосы событий, финалом которых стал 1929 г., год утверждения сталинской диктатуры, за которым маячили контуры уже иной цивилизации. Он назывался по-разному: «от контрреволюционного термидора» до «сталинской революции сверху». За последние годы приходится сталкиваться со множеством различных версий этих событий. Широкое хождение получила их трактовка

исключительно в терминах борьбы за власть, личных амбиций и властолюбия Сталина. Одно время распространялась версия о решающем влиянии на судьбу страны ее мелкобуржуазности, ее крестьянского обличья, которые будто бы тесно связаны с культом верховной власти и царистскими иллюзиями, вознесшими на пьедестал Сталина. Очень активно муссировалась идея об отсутствии в стране демократических традиций, в результате чего стало возможным возникновение сталинского культа. Нередко события 1929 г. и последующие рассматривались как неизбежный результат попыток реализовать коммунистическую утопию. Диапазон мнений, таким образом, весьма велик. Каждое из предложенных объяснений имеет очевидные слабости, на которые можно указать, что называется, с ходу. Если все внимание сосредоточить на сталинских интригах, то как объяснить те сложные процессы, которые происходили в стране? Если придерживаться «крестьянской версии», то встает вопрос, почему в других крестьянских странах в аналогичных условиях не возникло ничего подобного, напоминающего Россию? Если говорить о демократии, то очень мало можно назвать стран, которые к началу XX в. накопили богатый опыт демократических традиций. Тем не менее их исторические пути оказались достаточно разветвленными. К тому же следует добавить, что вряд ли существует какой-то единый рецепт для демократического устройства общества. Каждая страна имеет свой собственный опыт народовластия. Если порыться в российской истории, то в ней тоже можно найти его особые формы, на которые при желании можно опереться, не прибегая к безумному заимствованию и кабинетному бюрократическому прожектерству. Не годится, видимо, и апелляция к утопии, ибо какая заранее придуманная схема не окажется таковой при воплощении на практике?

Нельзя упрощать историю, спрямлять прошлое в угоду очередной конъюнктурной версии, как это часто делается в историографии. Из многих тенденций, из стечения многих обстоятельств, причин и следствий складывается определенный порядок событий, которые никто заранее не мог предвидеть и предусмотреть. Давая общую оценку событиям этого времени, тоже приходится вступать на путь известного упрощения, однако в целом она базируется на той логике фактов, которые содержатся в приводимом выше материале.

Из состояния российского общества, из противоречий, которые сопровождали его вступление в новую эпоху, из ситуации, в которой оказалась страна в результате ее участия в мировой войне, неизбежно вытекала трагедия революционного взрыва и гражданской войны. Руководство революцией было предопределено теми политическими силами, которые основывали свою стратегию и тактику на критике капитализма и пропаганде социалистических идей, находивших отклик среди населения России. Однако сами эти идеи, чтобы иметь успех, должны были трансформироваться сообразно российским условиям. Подобная трансформация прослеживается в программных установках отдельных политических партий, выступавших от имени крестьянства и рабочего класса. Сложные перипетии событий 1917 г. вынесли на поверхность наиболее радикальные элементы этих партий, которые повели массы на захват власти.

Взятие власти большевиками и поддержка их левыми эсерами привели к утверждению советской системы, а идеологической опорой нового режима становится большевизм, проповедующий диктатуру пролетариата. Идея диктатуры пролетариата постепенно сводится к однопартийной диктатуре большевиков в Советах и вытеснению всех других элементов из политической жизни общества.

Диктатура пролетариата на деле осуществлялась политической элитой большевистской партии, фигурами ее вождей. Вождизм — неизбежное следствие власти хаоса и толпы, ее жажды найти ориентиры в бурном океане событий. Вожди выступают от имени трудящихся масс, подхватывая их настроения и чаяния и навязывая им свои идеи.

Из смещения грубых уравнилельных представлений о социализме и коммунизме и большевизма в специфической обстановке гражданской войны рождается идеология и

практика «военного коммунизма», которая, несмотря на вызванный ею тотальный кризис советской системы и отказ от нее в последующие годы, оставила глубокий след во всех порах жизни общества, в том числе и в самой правящей партии.

Из большевистских идей и тенденций, свойственных «военному коммунизму», вырастает бюрократизм советской системы, который распространяется и на партию, и на госаппарат, и на общественные организации. Партийная бюрократия подчиняет себе этот процесс, который ведет к образованию особого руководящего слоя советского общества — номенклатуры. Интересы последней вступают в противоречие с интересами старой политической элиты. Внутри правящей партийной олигархии — вождей — начинается борьба за власть, победа в которой обеспечена тому, за кем пойдет номенклатура, большинство партийной и советской бюрократии, кто в наибольшей степени сумеет выразить ее нужды. Проводимая руководством новая экономическая политика не отвечала интересам этого слоя, не сумела привлечь на свою сторону значительные слои населения страны, породив множество нерешенных проблем и противоречий. Теперь их решение все более связывалось с ускоренным строительством социализма.

В качестве наиболее подходящей велениям времени обозначалась личность Сталина. Сталин одновременно выступал и создателем нового руководящего слоя и выразителем его интересов. Сталин умел приспособиться к духу эпохи, образу человека железной воли и дисциплины, способного претворять в жизнь любые практические решения. Явные грубость и неотесанность, в чем упрекали Сталина старшие соратники, для новой поросли руководителей были скорее не недостатком, а преимуществом, показателем близости к низам. Они сами по своей сути были такими. Многие из них, словно птенцы из гнезда, вышли из «военного коммунизма», пропитались его атмосферой. Позднее сам Сталин признавался, что в кругу более заметных политических фигур в партийном руководстве победу ему и его сторонникам обеспечили «средние кадры», на которые другие вожди не обращали внимания.